

Женщина которая умеет хранить ТАИНЫ

Она с семьей жила в Америке, и дети даже не догадывались, кем на самом деле была их мама

25 лет под чужим именем в чужой стране

Елена Вавилова
Андрей Бронников

Андрей Бронников

**Женщина, которая
умеет хранить тайны**

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Бронников А. Э.

Женщина, которая умеет хранить тайны / А. Э. Бронников —
«Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-100938-0

Идея этой книги навеяна одной из самых удивительных шпионских историй XX века. Автор книги Елена Вавилова под именем Трэйси Ли Энн Фоули (англ. Tracey Lee Ann Foley) и ее супруг Андрей Безруков (псевдоним англ. Donald Howard Heathfield) почти четверть века проработали разведчиками-нелегалами в разных странах, в том числе в США. Семейная пара профессиональных шпионов вместе с двумя сыновьями жила в пригороде Бостона в нечеловеческом напряжении, на грани постоянного риска, пока однажды их не предали. Попробуйте только представить, каково это – быть агентом, но при этом оставаться любящей женой и заботливой матерью, ходить на работу, отводить детей в школу, а по вечерам – принимать шифровки и планировать спецоперации. «...обвиняемые, известные как «Дональд Ховард Хитфилд» и «Трэйси Ли Энн Фоули», были арестованы в своей резиденции и сегодня предстают перед федеральным судом в Бостоне... Обвинение в сговоре с целью действовать в качестве агента иностранного правительства без уведомления Генерального прокурора США влечет за собой максимальное наказание в виде пяти лет лишения свободы, обвинение в сговоре с целью отмывания денег – в виде 20 лет лишения свободы». The Department of Justice, Monday, June 28, 2010.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-100938-0

© Бронников А. Э., 2019

© Эксмо, 2019

Содержание

Пролог	7
Глава 1	8
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	20
Глава 6	25
Глава 7	28
Глава 8	31
Глава 9	34
Глава 10	37
Глава 11	40
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Елена Вавилова, Андрей Бронников

Женщина, которая умеет хранить тайны

«Служба внешней разведки Российской Федерации (СВР России) является составной частью сил обеспечения безопасности и призвана защищать безопасность личности, общества и государства от внешних угроз.

СВР осуществляет разведывательную деятельность в целях:

обеспечения Президента Российской Федерации, Федерального Собрания и Правительства разведывательной информацией, необходимой им для принятия решений в политической, экономической, военно-стратегической, научно-технической и экологической областях;

обеспечения условий, способствующих успешной реализации политики Российской Федерации в сфере безопасности;

содействия экономическому развитию, научно-техническому прогрессу страны и военно-техническому обеспечению безопасности Российской Федерации.

В процессе разведывательной деятельности СВР может использовать гласные и негласные методы и средства, которые не должны причинять вред жизни и здоровью людей и наносить ущерб окружающей среде.

Общее руководство органами внешней разведки Российской Федерации (в том числе и СВР) осуществляет Президент Российской Федерации».

Из официального сайта Службы внешней разведки Российской Федерации

Семьям разведчиков-нелегалов всех времён и нашим любимым семьям посвящается

Сюжет и главные герои данного повествования являются плодом воображения авторов, что делает случайным всякое совпадение с реально существующими людьми и реально происходившими событиями.

Пролог

Кэтрин сидела на металлической скамье, обняв руками колени, и дрожала от холода. В полицейском участке работали мощные кондиционеры, и трудно было представить, что за стенами ее одиночной камеры стояла невыносимая жара. Хотя, возможно, и стресс тоже делал свое дело.

Сквозь ударопрочное стекло Готье видела только спину дежурного офицера, который лениво посматривал на мониторы видеонаблюдения и прихлебывал горячий кофе из термокружки. Иногда он поворачивался вместе с креслом, проверяя, что творится в каждой из четырех камер. Его пристального внимания требовали только две камеры, в которых находились Кэтрин и Жорж, а остальные были свободны.

Ломило поясницу, и Готье попыталась прислониться спиной к стене, чтобы хоть немного приглушить боль, но от кафельной плитки исходил такой невыносимый холод, что Кэтрин, не выдержав, отодвинулась от нее и вновь обхватила руками колени. Ветхий плед, небрежно брошенный ей в камеру охранником, тепла почти не давал и постоянно сползал с плеч.

Всю ночь Кэтрин пыталась понять, где они с мужем совершили ту роковую ошибку, которая привела к неожиданному провалу, – и не находила ответа. Вдобавок не давал покоя вопрос: что будет с их детьми?

Готье понимала, что ей и Жоржу, скорее всего, предъявят обвинения в шпионаже. В штате Вирджиния это каралось длительным сроком заключения, а при неблагоприятных обстоятельствах – и смертельной инъекцией. Однако эти страшные мысли не застревали надолго – в отличие от, казалось, бесконечного и какого-то безнадежно холодного непонимания: что будет с их детьми?..

Глава 1

Беспредельная надежда и энтузиазм – главное богатство молодежи.

Рабиндранат Тагор, индийский поэт

Томск, СССР, 198... год

Несмотря на раннее утро, аллея перед главным корпусом Томского университета была полна молодежи. Одни сидели на скамейках, нервно перелистывая тетради с конспектами, другие спешили в аудитории, третьи, сбившись в стайки, беззаботно смеялись и шутили. Были и такие, кто не спеша прогуливался по тенистым дорожкам университетской рощи между древних каменных баб, некогда привезенных с Алтая одной из студенческих археологических экспедиций. И только мраморный памятник революционеру Куйбышеву гордо возвышался над всей этой студенческой суетой, оставаясь невозмутимо равнодушным к волнениям и терзаниям юношей и девушек, готовившихся сдать последний экзамен перед летним отдыхом. Впереди кого-то из них ждала практика на будущем месте работы, а кого-то – стройотряды с их обычной романтической атрибутикой: ночными посиделками у костра с песнями под гитару, палатками, влюбленностями и романами.

Вера спешила, но не потому, что опаздывала. Скорее наоборот, она никогда не опаздывала потому, что всегда спешила. Вместе с тем поспешность не была чертой ее характера, просто за день, как правило, ей надо было много чего успеть. Активная, жизнерадостная и легкая в общении, она всегда была окружена многочисленными поклонниками и друзьями. Темные волосы, стройная фигурка, блеск ее карих глаз очаровывали парней, и они были готовы помочь ей в любом деле, а дел было немало. Девушка организовывала воскресники, участвовала в митингах, диспутах, встречах с ветеранами-фронтовиками и других обычных для студенчества того времени мероприятиях, не говоря уже о комсомольских собраниях. А после сессии она должна была поехать в пионерлагерь вожатой.

Свиблова родилась и выросла в советской стране, и воспитание у нее было тоже советским, сводившимся к простой формуле: главное – беззаветная любовь к Родине и преданность ей. Тогда – в шестидесятые-семидесятые-восьмидесятые годы двадцатого века – смыслом жизни нескольких поколений молодежи был коммунизм, и он вовсе не считался какой-то ложной целью. Ложные цели появились потом, и именно они сгубили страну под названием Союз Советских Социалистических Республик. Идеи, как известно, сплывают, а материальные устремления – разобщают. Вряд ли, конечно, кто-то из живших в то время юношей и девушек рассчитывал дожить до коммунизма, но это единое, общее устремление в неведомое, но непременно прекрасное и справедливое будущее действительно объединяло их. И хотя в повседневной жизни они больше думали не о коммунизме, а о тех вполне конкретных проблемах, с которыми сталкивались и которые решали каждый день, идеология тем не менее делала свое дело, и молодежь в большинстве своем была готова идти на самопожертвование ради Отечества. Особенно рьяные парни и даже девушки писали рапорты, чтобы попасть на афганскую войну. Тогда такая инициатива считалась добровольчеством, понятие «наемничество» появилось позже.

В руках у Веры было несколько учебников, аккуратно завернутых во вчерашнюю газету, их девушка должна была сдать на кафедру. Это несложное дело много времени не заняло, и через двадцать минут она уже стояла у пешеходного перехода через проспект Ленина. Теперь ей предстояло встретиться с Антоном Вязиным.

С Антоном Вера познакомилась три года назад, еще на первом курсе. Молодой человек был старше ее на два года и уже успел два курса проучиться на физическом факультете. Поняв, что математика все-таки не его стезя, Антон решил стать историком. Парень был умен и галантен. Если первое качество в среде студентов было достаточно распространенным, то второе – скорее исключением. Столь необычное сочетание черт характера Антона подкупило девушку, и молодые люди быстро подружились. Вскоре для Веры открылось еще одно редкое качество, которым обладал юноша, – это неординарность мышления. Постепенно дружба переросла в нечто большее...

Антон жил в общежитии исторического факультета напротив учебного корпуса, в котором они учились. Именно туда и направлялась сейчас Вера. Постояв минуту на углу здания, размышляя, как удобнее пройти в него, она все-таки двинулась к главному парадному.

В общежитии имелся еще и черный вход со двора здания. Он был особенно популярен вечером, когда все студенты возвращались домой, потому что закрывался в 23 часа, то есть на час позже главного парадного. А еще рядом с черным входом была пожарная лестница, по которой особенно пылкие кавалеры пробирались к своим пассиям по ночам. Для этого ближайшее к лестнице окно на втором этаже было всегда распахнуто, а сама комната служила своего рода секретной «проходной». Парни, которые там жили, давно смирились со своим положением, тем более что «нелегалы» иногда оставляли им на столе небольшую денежку в благодарность, как компенсацию за причиненные неудобства.

Парадное девушка выбрала потому, что хотела по пути поискать Антона в студенческой столовой, чтобы не разминуться. В фойе Вера повернула налево по коридору, мельком глянув направо в сторону черной лестницы, всегда закрытой на первом этаже, но открытой на всех прочих, вплоть до пятого. Она служила прибежищем для влюбленных, которые простаивали там всю ночь напролет.

В столовой Антона не оказалось, там вообще было пусто, потому что время завтрака уже закончилось. Вера поднялась по лестнице на один пролет и остановилась возле бдительной вахтерши, которая проверяла документы и записывала всех гостей в журнал посетителей. Девушка, показав студенческий билет, произнесла «пять – сорок один» и пошла дальше. Это был номер комнаты, в которой жили девчонки, а парни жили в соседней – сорок второй. Порядки в те годы в общежитиях царили суровые, поэтому девушка всегда называла тот, «девичий», номер, и именно его вахтерша старательно записывала в потрепанном журнале.

На пятом этаже в длинном коридоре пахло жареной картошкой и орала музыка. «... Твой голос в сердце моем звучит звеня, нет, никогда я тебя разлюбить не смогу, и ты люби, ты всегда люби меня...», – надрывался магнитофон в одной из комнат. Вера открыла дверь с табличкой «пять – сорок один», но входить не стала. В центре скромных покоев за столом сидели обитательницы и с удовольствием хлебали супчик, приготовленный из консервов «килька в томатном соусе». «Верка, садись с нами», – небрежно кивнула на свободный угол стола скуластая брюнетка, сидевшая прямо напротив двери. «Я в пять – сорок два», – скороговоркой произнесла Вера и тут же исчезла.

Возле соседней двери девушка замерла в нерешительности. Разговор с Антоном обещал быть трудным. Дело в том, что сегодня вечером они договорились прогуляться по бродвею, сходить в «зверинец» и, может, даже остаться в «клетке». (На молодежном жаргоне «бродвеем» назывался пешеходный участок проспекта Ленина от Главпочтамта до кинотеатра имени Горького, где вечерами прогуливались юноши и девушки. «Зверинцем» был всего-навсего городской парк культуры и отдыха, а «клеткой» метко обозначалась огороженная забором танцевальная площадка перед деревянной сценой. Там по выходным играл известный томский вокально-инструментальный ансамбль «Бубенцы».) Но накануне Вере позвонил Иван Семенович и опять предложил встретиться около семи часов вечера. Свиблова познакомилась с этим человеком чуть больше года назад и периодически – всегда по его инициативе – встречалась с ним. Об

этом не знал никто, даже самые близкие подруги, а Антон тем более. И сейчас Вере предстояло сказать молодому человеку, что намеченный на сегодня план придется отменить.

Наконец Вера решилась и тихонько постучала. Дверь быстро распахнулась. На пороге стоял долговязый хмурый молодой человек. Обритый наголо, он выглядел уж очень угрожающе, и только очки несколько смягчали его суровый внешний вид. Увидев Веру, он широко заулыбался, но не успел ничего сказать, как у него из-под руки вывернулся невысокий парень, сделал шаг вперед и прикрыл за собой дверь. Это был Антон. Его обаятельная улыбка и удивительный свет темных глаз пленили Веру еще с первого момента их знакомства.

– Привет, – радостно сказал он.

– Привет, – несколько смущенно ответила Вера.

Их отношения изначально строились на взаимном доверии, и теперь девушке было неловко сказать, что именно из-за нее отменяется чудесный вечер.

– Чего такая грустная? – точно прочувствовав настроение девушки, спросил Антон.

– Я сегодня не смогу... вечером... – еще больше стушевалась Вера.

– Ну хорошо, пусть... завтра увидимся? – то ли вопросительно, то ли утвердительно отозвался молодой человек, ничуть не огорчившись. Обычно, когда их планы так неожиданно менялись, Антон становился грустным, но сегодня было иначе, и это не укрылось от внимания девушки.

– Тогда я пойду? – потерянным голосом промолвила она.

– Иди.

Вера повернулась и, не глядя по сторонам, пошла по коридору – сначала прямо, потом повернула за угол. Ее шаги становились все быстрее и быстрее.

Только через несколько дней девушка узнает причину такой непривычной холодности Антона.

Глава 2

Судьба человека – чаще всего в его характере.
Б. Брехт, немецкий драматург

Истоки... «вся тем быша, и без него ничтоже бысть, еже бысть»... Истоки истины, истоки отчизны, истоки родословной, истоки любви... Если вдруг человек забывает о них, то ручеек живой энергии, которая и делает человека человеком, может быстро иссякнуть, и тогда его душа превратится в иссохшую пустыню. Человек не должен их потерять, иначе он рискует заполниться пусть и привычными, но неродными ему ценностями.

Любовь, рожденная страстью, рано или поздно вызывает ревность, любовь же, возникшая из дружбы, а не из ревности, – тихую грусть. Вера грустила. Она вышла из дома загодя и сейчас раздумывала, как ей проще добраться до площади Дзержинского. Особого выбора не было. Как всегда, с приближением лета в городе начинали ремонтировать теплотрассы, раскапывая улицы в самых неожиданных местах, и сейчас одна из таких траншей пролегла через трамвайные пути. И уже неделю на трамвае нельзя было доехать до площади Южной, где жила Свиблова с родителями. Оставалось либо проехать пару остановок до нужного ей места на троллейбусе, либо преодолеть их пешком. Вера выбрала последнее.

Она не торопясь шла по улице. Это был тот редкий случай, когда девушка не спешила. Собираясь на встречи с Иваном Семеновичем, Свиблова всегда выходила заблаговременно, имея достаточное время в запасе.

Девушка встряхнула рукой и посмотрела на часы, которые ей подарили родители в день рождения. До назначенного времени оставалось шесть минут. Пунктуальность при встречах с Иваном Семеновичем была обязательным правилом. В дальнейшем это переросло в привычку и в учебе, и повседневной жизни, а затем пригодилось в работе, где пунктуальность была очень важна.

Вера перешла через дорогу и оказалась на улице Дзержинского. Не доходя нескольких десятков метров до одноименной площади, она свернула во двор углового дома, на первом этаже которого находился продуктовый магазин. Там всегда можно было купить колбасу, и поэтому возле дверей всегда стояла очередь.

Во дворе было безлюдно, только два угрюмых и небритых мужика в испачканных рабочих халатах лениво разгружали машину с продуктами. Вера, стараясь остаться никем не замеченной, юркнула в подъезд. В очередной раз это ей удалось.

Точно в назначенное время девушка стояла возле нужной квартиры. Вера тихонько постучала, и дверь мгновенно отворилась. На пороге стоял Иван Семенович. Рыжий и лысоватый, в потрепанном пиджаке, он походил не на сотрудника КГБ, а скорее на провинциального интеллектуала.

Эти встречи девушка воспринимала как таинственную игру. В такие моменты она чувствовала себя причастной важному секретному делу, хотя на самом деле ничего важного не происходило: обычно за чашкой кофе они с Иваном Семеновичем разговаривали на различные темы: обсуждали ее учебу в университете, круг знакомых, городские новости, жизнь и быт, реже – политику. Несколько раз Вера выполняла пустяковые, с ее точки зрения, просьбы.

Будучи тогда совсем еще юной и неопытной, Свиблова не понимала, как работают «органы», между тем во время таких разговоров ни о чем тонкий психолог Иван Семенович изучал Веру – характер, взгляды на жизнь, способности, убеждения. Понятно, что изучал девушку не только он один, ее куратор.

В дальнейшем судьба этого офицера КГБ сложилась трагично. Не выдержав гибели своей страны, смены духовных ценностей, он начал пить и скоропостижно скончался в своем рабочем кабинете в середине девяностых годов.

– Проходи, – по-свойски кивнул головой в глубь квартиры Иван Семенович, чуть посторонился, и Вера быстро вошла в прихожую.

– Здравствуйте, – вежливо поздоровалась Вера и быстро вошла в прихожую.

– Привет, привет! Надевай тапочки и проходи в комнату, а я сейчас чайник принесу, – ответил Иван Семенович и удалился на кухню. Девушка разулась, надела тапочки, сделала два шага и, опешив, остановилась в дверях комнаты.

Круглый стол под клетчатой скатертью был накрыт как обычно: банка с растворимым кофе, сахарница, вазочка с печеньем, к которому Вера обычно не притрагивалась, розетка с вареньем, салфетки, но чашек было три, а на венском стуле сидел незнакомый мужчина в белоснежной рубашке с элегантным галстуком, его пиджак висел на спинке соседнего стула, остальные два стула были свободными.

– Проходи-посторонись, – раздался за спиной девушки бодрый голос куратора, и Вера робко сделала шаг к столу. – Присаживайтесь, мадемуазель, – продолжил Иван Семенович и как ни в чем не бывало принялся наполнять чашки кипятком. Далеко не сразу девушка увидела еще одного мужчину. В клетчатой рубашке с расстегнутым воротом и сером пиджаке, он сидел возле окна, рассеянно смотрел на улицу, изредка приглаживая светлые волосы, и не обращал внимания на происходящее в комнате. Вера решила, что это водитель.

Незнакомец придвинул к себе чашку, положил туда пару ложек растворимого кофе, бросил ложку сахара и принялся его размешивать, изредка бросая короткие взгляды на девушку. Вера, чтобы занять себя, тоже придвинула чашку поближе. Только Иван Семенович не притронулся к кофе. Он вполоборота повернулся к незнакомцу и произнес:

– Это наш представитель из Москвы, Александр Павлович, – затем повернулся к Вере и продолжил: – У него есть что тебе сказать... предложить, Вера.

– Вера Вячеславовна, – тут же подхватил Александр Павлович, – мы хотим предложить вам начать подготовку для работы за границей.

От неожиданности девушка опешила, так что ничего не смогла произнести вслух, но тут же кивнула головой в знак согласия. Иван Семенович подумал, что его подопечная не так поняла, и уточнил:

– Вера, тебе... вам придется уехать за границу и надолго, возможно навсегда, и заниматься нелегальной работой, причем с риском для жизни... с очень большим риском.

Упоминание о риске не остановило девушку, скорее наоборот, только подзадорило, и она твердо сказала:

– Да. Я согласна.

– Ну вот и хорошо, – серьезно произнес Александр Павлович и принялся в общих фразах объяснять, как и где ей придется учиться, чем впоследствии заниматься. Из его долгого монолога Вера мало что поняла, но главное ей было ясно и с первых слов. Теперь ее мучила мысль об Антоне. Иван Семенович, догадавшись о сомнении Веры, после того как московский представитель умолк, успокоил девушку:

– Антон уже дал свое согласие, и теперь вам надо будет выполнить ряд практических действий, а именно: расписаться, то есть жениться. Затем перевестись на заочное отделение. Ну и подготовиться к переезду в Москву.

Итак, решение, последствия которого невозможно было просчитать, Вера приняла сразу же, но она и не думала о том, что ее ждет дальше. От одной лишь мысли о предстоящем переезде в Москву дух захватывало, не говоря уже обо всем остальном...

В те годы страна еще жила Великой Отечественной войной. Почти в каждой семье тлело свое горе. Еще матери оплакивали своих детей, по ночам еще тосковали вдовы, но уже выросли

внуки, знавшие своих погибших дедов только по рассказам да по старым пожелтевшим фотографиям, а некоторые фронтовики-ветераны еще даже не достигли пенсионного возраста. Воспоминания о войне оставались живыми, ими была пропитана вся жизнь, и в такой атмосфере воспитывавшаяся в молодых людях готовность, если потребуется, встать на защиту своей Родины не просто выглядела совершенно естественной, но оказывалась пределом мечтаний.

Вера была счастлива. Счастлива, потому что в нее поверили, а теперь впереди открывались интересная жизнь и, судя по фильму «Семнадцать мгновений весны», мужественная профессия разведчика, наполненная подвигами и свершениями. В какой-то момент в душе Веры шевельнулось сомнение в том, что она сможет оправдать доверие, однако присущая ей внутренняя решимость как черта характера девушки взяла верх, и сиюминутная неуверенность улетучилась.

Тогда эти детские мечты были наивны и, может быть, даже смешны, но, как показала жизнь, не так далеки от истины. Романтика будущей профессии кружила голову, сердце отчаянно билось. Девушка тогда еще не знала, что романтика подобна миражу в пустыне: как только оказываешься близко к оазису, он тут же исчезает. Так и романтика быстро исчезает, и остаются только тяжелый труд, невыносимый образ жизни, никогда не спадающее, но становящееся привычкой психическое напряжение, а романтика... романтика превращается в ностальгию.

Обо всем этом Вера узнает потом, а пока единственным недостатком неожиданного поворота в ее судьбе виделась невозможность поделиться этой новостью с кем бы то ни было, даже с мамой и папой. Впрочем, такая возможность у нее появилась, правда, спустя почти тридцать лет, но особого желания делать это тогда уже не было...

Из воспоминаний полковника СВР В. Свибловой:

О женитьбе мы с Антоном в тот момент не думали. Он сделал мне предложение позже. Работал с нами один и тот же человек, наш куратор. Думаю, что тогда и я, и Антон были устремлены в будущее. Свадьба и переезд были организованы на скорую руку. Расписались 1 июня. Куратор наблюдал издали наш выход из ЗАГСа на Кирова, напротив управления. Я тем летом отрабатывала на практике в детском лагере, приехала на один день на свадьбу и обратно в лагерь. Родителям сказали, что нас пригласили работать в НИИ социологии в Москве. До сих пор не могу представить, как они меня так спокойно отпустили. Они говорят, что доверяли мне. Я с детства имела большую свободу выбора, мое воспитание строгостью не отличалось.

Глава 3

*Преданность негодяев так же ненадежна, как они сами.
Плиний Младший, древнеримский политический деятель*

Афганистан, сентябрь 1979 года

Сентябрь в Кабуле от летних месяцев отличается только тем, что ночи становятся чуть прохладнее, в то время как днем стоит такая же сорокоградусная жара. Вечером жара спадает, и тогда можно спокойно отдыхать в комнатах двухэтажного коттеджа, в котором расквартирован отряд КГБ СССР «Зенит».

Капитан Потугин лежал одетым на солдатской кровати, застеленной синим суконным одеялом, и сладкая дремота приятно туманила его сознание. Только что закончился ужин, а до заступления на пост в охранение периметра «виллы» оставалось несколько часов. Товарищи, с которыми он жил, сидели на улице и играли в домино. Казалось, ничто не мешало приятно расслабиться.

Неожиданно дверь распахнулась и в комнату ворвался заместитель командира отряда майор Долоткин.

– Серега, подъем! – сказал он, пнул ногой ножку кровати и поторопил: – Вставай, вставай, командир вызывает.

– Зачем? Мне на пост скоро, – мгновенно поднялся Потугин и, сидя на постели, энергично потер ладонями лицо, чтобы стереть следы дремоты.

– Отставить радоваться. Я тебя уже подменил. Пошли, – отозвался Долоткин и двинулся к выходу.

Кабинет командира находился здесь же, только на первом этаже. Пункт постоянной дислокации ограничивался небольшой территорией размерами примерно тридцать на тридцать метров, огороженной высоким дувалом¹, на которой располагались двухэтажный коттедж и небольшой флигелек в углу фруктового сада. До прихода к власти президента Амина эта усадьба принадлежала богатой иностранке, но была национализирована государством.

Когда Долоткин и Потугин вошли в кабинет, там уже находились два их сослуживца, один из которых был штатный водитель автомобиля «ГАЗ-66». Командир сидел за столом. Позади него на стене висела самодельная недорисованная карта Кабула. Бойцы «Зенита» прибыли сюда под видом советских специалистов, поэтому, чтобы не рисковать в ходе пограничного контроля, топокарты решили с собой не брать, и теперь план столицы Афганистана приходилось рисовать самим, изредка выезжая «на местность» для уточнения деталей.

Командир задумчиво постукивал карандашом по столу и смотрел на окно, стекла которого были заклеены советскими газетами. Благо что замполит работал исправно и недостатка в печатных изданиях не было. Правда, использовали их совсем в других целях: вовсе не для просвещения личного состава отряда.

Командир отряда кивком пригласил прибывших за стол. Как только все офицеры расселись на табуретах, командир положил карандаш и начал говорить:

– Товарищи офицеры, я собрал вас здесь как самых надежных людей, потому что дело предстоит ответственное, хотя на первый взгляд и несложное... Тех трех «перцев» надо срочно доставить в Баграм прямо к самолету. Причем скрытно. Властям их не сдавать ни в живом, ни в мертвом виде, оберегать их, используя все доступные вам способы. Вы поняли, о чем речь?

---

¹ Дувал – глинобитный забор или стена в Центральной Азии, отделяющая внутренний двор местного жилища от улицы.

– Так точно, – недружно ответили офицеры и переглянулись. По сути, слова командира означали, что при попытке афганских властей захватить их подопечных они должны были, что называется «огнем и мечом», сохранить их и себя, но результат такого боестолкновения был заведомо предсказуем и далеко не в пользу «зенитовцев». Шансы прорваться в Баграм были минимальны.

– Вопросы есть? Вопросов нет. Отправляйтесь немедленно, – отрывисто бросил командир, а затем задумчиво добавил: – Похоже, ночи через месяц-другой совсем холодными будут... надо как-то «буржуйки» добывать... Да, чуть не забыл... ящики проверили? Готовы?

– Так точно! – уже от дверей ответил Долоткин.

«Перцы», о спасении которых упомянул командир, были доставлены на территорию «Зенита» несколько дней назад глубокой ночью в багажниках дипломатических машин советского посольства. Это были граждане Афганистана. Больше о них никто ничего не знал. Жили они обособленно во флигеле рядом с гаражом. Свежим воздухом выходили подышать только в темное время суток. Но коль скоро их отправляли в Союз, значит, для советского правительства эти люди были весьма ценны, поэтому и охота контрразведки Амина была нешуточная.

Во дворе рядом с флигелем уже стоял чужой тентованный «ГАЗ-66», прибывший, по всей видимости, с авиабазы в Баграме. За рулем сидел боец в десантной форме. В длинные зеленые ящики с отверстиями для воздуха и матрацами уложили «перцев», вручили каждому из них на всякий случай по «АКСу»² и закрыли крышки. Затем, матерясь и кряхтя, запихали зеленые «гробы» в кузов автомобиля и закидали сверху заранее приготовленными картонными коробками, имитировавшими личные вещи «советских специалистов».

Для отправки все было готово. «Становись», – скомандовал своей группе Долоткин. Офицеры добросовестно встали в одну шеренгу. «Заряжай!» – подал очередную команду замком отряда, и это тоже было выполнено. «Так, ты, – Долоткин ткнул пальцем в “зенитовского” водителя и продолжил: – Давай в кабину, на всякий случай. В помощь десантнику. Остальные к машине и по местам». Прежде чем последним влезть в кузов, Долоткин крикнул дежурному по КПП: «Эти там дежурят?» – и, получив положительный ответ, скрылся под тентом.

Ворота открылись, и машина тронулась с места. Долоткин выглянул в щель тента – старенькая «Тойота», принадлежавшая, очевидно, афганской контр-разведке, двинулась следом.

«ГАЗ-66» долго кружил по городу, приближаясь к северному КПП. «Тойота» шла неотступно следом. Несколько раз Долоткин стучал каблуком по ящикам и спрашивал: «Are you still in alive?» В ответ раздавалось невнятное ворчание, и бойцы «Зенита» дружно гоготали.

В очередной раз теперь уже Потугин выглянул в щель тента и резко обернулся к Долоткину:

– Командир, они нас обгоняют, – имея в виду преследователей из контрразведки.

– Понял. Скоро северное КПП, значит, будут останавливать и досматривать, – догадался Долоткин.

Наконец машина сбавила ход. Командир группы выглянул в щель и негромко скомандовал: «Приготовились. КПП». Щелкнули предохранители, стволы были направлены к заднему борту. Бойцы в напряжении замерли. Потугин услышал, как отворилась дверь кабины и почти сразу заговорили по-афгански. В ответ наш водитель как можно приветливее ответил: «Вещи, вещи советских специалистов везем. Understand? Не понял? Ну хрен с тобой...»

Снаружи вдоль кузова слышались тяжелые шаги армейских ботинок по каменистой обочине. Напряжение внутри машины возрастало. Полог тента приподнялся, и над бортом появилась голова афганского лейтенанта. После яркого света офицер, очевидно, не сразу увидел бойцов в кузове. Он ухватился за скобу на заднем борту, приподнялся и обомлел. Прямо ему в лицо смотрел ствол автомата Долоткина, а затем для убедительности замкомотряда сунул

---

² «АКС» – укороченная модификация автомата «АК-74».

под нос лейтенанту свой увесистый кулак. Однако на лице афганского офицера испуга не появилось, а было только удивление. Все замерли. Молчание продолжалось несколько мгновений. Внезапно Потугин выхватил из своего нагрудного кармана несколько долларовых купюр и с серьезным выражением лица протянул их лейтенанту. Из двух вариантов – получить пулю в лоб или забрать деньги – сообразительный афганец выбрал последний, при этом чуть не потерял равновесие и, чтобы не упасть, спрыгнул вниз. Почти сразу бойцы услышали команду афганского офицера и скрип поднимаемого шлагбаума. Машина рванула с места, и «зенитовцы», чертыхаясь и сминая пустые картонные коробки, попадали на ящики-«гробы».

«ГАЗ-66» мчался по шоссе. Путь в Баграм был свободен. «Тойота» контрразведчиков отстала, но еще оставалась вероятность засады по пути на авиабазу, поэтому бойцы с облегчением выдохнули, лишь когда машина въехала в ее ворота. Там их встретил автомобиль, за рулем которого был руководитель службы безопасности советского посольства, и они вместе помчались по взлетной полосе к стоявшему вдалеке транспортнику «Ил-76». Затем «ГАЗ-66» с ходу въехал по аппарели в самолет. Бойцы выскочили из кузова, а несколько бортехников в синих комбинезонах тут же принялись швартовать машину внутри грузовой кабины.

Почти через час бойцы высадились из санитарного «уазика»-«таблетки», любезно предложенного им для возвращения домой полковником в общевойсковой форме, руководившим операцией, в расположении своего отряда. Разрядив оружие возле ворот, офицеры двинулись к коттеджу для доклада командиру.

– Ловко ты продажного «летеху» долларами купил! – восторженно потрепал по плечу Потугина Долоткин, восхищаясь сообразительностью товарища.

– Ага, ловко, – недовольно пробурчал Потугин в ответ и, пригладив пустой нагрудный карман ладошкой, продолжил: – Кто мне теперь деньги вернет?

– Что, сдачу попросить забыл? – ухмыльнулся в ответ Долоткин.

– Ну-ка, ну-ка. Давайте с этого места поподробнее, – вдруг раздался голос командира отряда, который незаметно подошел к ним сзади и, видимо, слышал разговор приятелей. Офицерам ничего не оставалось делать, как вкратце рассказать об инциденте с афганским офицером на северном КПП Кабула.

– Считаю, что ты на них себе жизнь купил, – одобрительно взглянул на Потугина командир, а затем добавил, прищурившись на сообразительного подчиненного: – У меня к тебе еще разговор есть. Пойдем ко мне, остальные – свободны. Всем отдыхать.

Командир жестом пригласил Потугина присесть, а затем сам расположился за рабочим столом. По привычке взял карандаш, покрутил его в руке, отбросил и сказал:

– Не хотел тебе говорить раньше времени... тебе пришел вызов в институт Первого главного управления. Ты зачислен. Не передумал?

– Никак нет! – быстро и радостно ответил Потугин.

– Ну вот и хорошо. Сутки тебе на сборы, завтра получишь предписание – и вперед. – Командир поднялся, протянул через стол руку и добавил: – Спасибо за службу. Представляю тебя к награде.

Командир не обманул. Уже следующей весной в Москве капитан Потугин получил орден Красной Звезды.

За время учебы Сергея в Краснознаменном институте КГБ этому вузу, который готовил кадры для Первого главного управления госбезопасности СССР (внешняя разведка), было присвоено имя Юрия Владимировича Андропова, который долгие годы руководил КГБ, а в 1982–1984 годах в течение пятнадцати месяцев занимал пост руководителя страны. После образования в декабре 1991 года Службы внешней разведки Российской Федерации институт перешел в ее подчинение и был переименован в Академию внешней разведки.

Глава 4

Не стоит бояться перемен. Чаще всего они случаются именно в тот момент, когда они необходимы.
Конфуций, древний мыслитель Китая

Москва, СССР, 198... год

Медовый месяц – один из тех счастливых периодов в жизни, который остается в памяти семейных пар навсегда, и большинство молодых людей стараются провести его наиболее ярко и оригинально. Такой счастливый момент жизни Веры и Антона оказался, пожалуй, самым необычным, потому что стал не только преддверием к семейной жизни, но и первым шагом судьбы. Да и сама женитьба была хоть и предсказуемой, но все-таки достаточно неожиданной.

Москва для советского провинциала всегда воспринималась как начало новой жизни и ярким событием. Даже если житель далекой Сибири оказывался здесь транзитом в отпуск или просто командированным.

Столица встретила молодоженов буднично и даже равнодушно: наполненный утренней суетой аэропорт Домодедово, усталые и помятые лица пассажиров в зале ожидания, буфет с длинной очередью за газировкой и бутербродом с сосиской, затоптанный пол в туалете, который, небрежно размахивая шваброй, пыталась отмыть сердитая уборщица в синем халате.

Настроение у Веры и Антона было радостным и приподнятым. Их даже не волновало, что они будут делать, к кому обращаться, если их вдруг не встретят, но их встретили. Их не могли не встретить, потому что жизнь в том обществе, в которое так неожиданно попали молодые люди, сильно отличалась от жизни простых обывателей. Здесь были свои правила, свои традиции, свои законы и своя особая ответственность. Рисковый или даже авантюрный склад характера, мотивированный, разумеется, высокими патриотическими ценностями, мог и не привести в разведку, но и не обладая такими качествами, туда невозможно было попасть.

Мир разведки подобен тайному ордену, членство в котором можно либо купить, либо обрести через особый обряд посвящения. А чтобы стать разведчиком, мало дать подписку о неразглашении государственной тайны. Какими бы ни были характер и способности кандидата в нелегалы, без напряженной учебы тут не обойтись.

Вера Свиблова и Антон Вязин ничего этого пока не знали. Они наслаждались семейной жизнью в меблированной двухкомнатной квартире, в которой было все необходимое, в московском районе... Свиблово, что вызвало у молодых людей улыбку. В те годы о двухкомнатной квартире в Москве молодожены даже мечтать не могли, но в данном случае это было необходимо. Чтобы занятия будущих разведчиков-нелегалов были наиболее эффективными, для их жизни создавались максимально комфортные условия.

Из воспоминаний полковника СВР В. Свибловой:

Последующие несколько лет стали для нас самыми сложными в плане физической и психологической нагрузки. К концу подготовки мы были просто выжаты как лимоны, но зато готовы к дальнейшему, самому важному этапу нашей работы.

Несмотря на очень плотный график занятий, раз в год нам полагался небольшой отпуск. Это время мы обычно отсыпались и восстанавливали силы после изнурительных месяцев занятий. Однажды поехали в дом отдыха в Прибалтику и первые дни с трудом просыпались к обеду, а остальное время играли в теннис и гуляли по пляжу.

Долго уединением молодоженам наслаждаться не пришлось. Медовый месяц закончился, не успев начаться. Через сутки утром зазвонил телефон. Трубку взял Антон. Вера в это время готовила кофе на кухне.

– Здравствуйте. Уже проснулись, ребятки? – прозвучал в трубке мужской голос.

– Да... – ответил Антон.

– Меня зовут Виталий Петрович. Вам привет от Ивана Семеновича, – так же, не меняя спокойного и ровного тона, представился мужчина.

– А! – догадался Антон и радостно продолжил: – Мы давно уже проснулись.

– С вашего позволения, я буду у вас через час. Хорошо?

– Да-да. Конечно, – ответил молодой человек. На этом разговор закончился, и Антон, положив трубку, громко сказал: – Вера, через час у нас будет гость. Его зовут Виталий Петрович.

Молодые люди накрыли в одной из комнат чаепитие, точнее – кофепитие. В приготовленной для обитания будущих разведчиков квартире имелось все необходимое – даже холодильник был наполнен продуктами. Вера нарезала сыр, колбасу, несколько кусочков хлеба, поставила три чашки с ложками и банку растворимого кофе. В этот момент ей вспомнились беседы с Иваном Семеновичем в родном Томске... как давно это было! В другой жизни в буквальном смысле слова. Хотя прошло с того момента чуть больше месяца.

Ровно через час раздался стук в дверь. Вера и Антон вместе пошли открывать. На пороге стоял невысокий черноволосый мужчина с проседью на висках. В руках он держал кожаную папку на «молнии». Мужчина застегнул пуговицу на пиджаке, улыбнулся и произнес:

– Я войду?

– Да-да, конечно, – спохватились молодые люди и посторонились.

Через несколько минут все трое сидели за журнальным столиком и в полной тишине пили кофе – Антон с Верой на диване, а Виталий Петрович напротив них в кресле.

– Как вас зовут? – мягко спросил он.

– Вера.

– Антон, – удивленно переглянулись молодые люди.

– Это мы еще посмотрим... – загадочно произнес Виталий Петрович и попросил: – Дайте-ка мне ваши паспорта. Я посмотрю.

Вера поднялась с дивана и ушла в другую комнату. Через минуту девушка вернулась и положила перед гостем документы, к которым мужчина даже не притронулся. Вместо этого он расстегнул папку, вытащил две шариковые ручки и несколько чистых листков бумаги.

– Значит, так... – произнес Виталий Петрович, затем достал еще один, положил его перед молодыми людьми и начал объяснять: – Прочитайте вот здесь, а потом перепишите текст. Кроме того, сейчас вам надо придумать себе имена и вписать сюда же. Они должны быть англоязычные. Для конспирации эти имена будут фигурировать только в ваших личных делах, в оперативных разработках и контактах. В длительной командировке имена будут другие в соответствии с легендой.

Через несколько минут и после короткого обсуждения молодые люди сделали все, что от них требовалось. Виталий Петрович внимательно прочитал, убрал листки в папку и произнес:

– Очень хорошо, Молли и Майк.

– Скажите, а когда начнется учеба? – спросил Антон.

– Она уже началась, – ответил гость, оторвал от чистого листка узкую полоску и что-то на ней написал. Подал ее Антону и пояснил: – Завтра вы должны быть на занятиях по этому адресу в 9 утра. Как добраться – я сейчас объясню.

Потом Виталий Петрович достал из бокового кармана пиджака зажигалку, отдал ее Антону, подвинул стоявшую чуть в стороне пепельницу и сказал:

– Это бумажку надо сжечь.

Пока молодой человек выполнял это указание, гость продолжил наставление:

– После вас не должно оставаться никаких записей. В том числе и во время учебы. Хотя значительная часть занятий будет практической, – Виталий Петрович жестом показал, что оставшийся пепел надо растолочь, и продолжил говорить: – Итак, Молли и Майк – ваши новые имена, – затем он взял их новые паспорта, которые принес с собой, подал молодым людям и сказал: – А вот это теперь ваши документы прикрытия. Имена, указанные там, теперь ваши имена. С этого момента – вы сотрудники одного из «закрытых» НИИ. Связь с друзьями и знакомыми лучше не поддерживать. Если кто-то попытается на вас выйти или начнет интересоваться – немедленно сообщайте мне.

Виталий Петрович оторвал еще клочок бумаги от чистого листа, написал на нем номер телефона и подал Антону. Тот взял его, прочитал, показал Вере, а потом, щелкнув зажигалкой, поднес пламя к бумаге.

– Молодцы. Считайте, что первый зачет сдан. А говорите, когда учеба начнется... – Гость поднялся.

Это была только первая встреча с Виталием Петровичем, а впереди их ждали несколько лет совместной работы.

Из воспоминаний полковника СВР В. Свибловой:

За годы подготовки в Москве нам посчастливилось поработать с несколькими удивительными, уникальными и преданными людьми. Один из них – Виталий Петрович, проработавший за рубежом вместе с супругой около 10 лет. Спокойный, вдумчивый, он подолгу беседовал с нами и давал ценные советы о том, как нужно искать, заводить и культивировать нужные контакты среди людей, поведал об особенностях поведения людей различных национальностей. Своих детей у них не было, и он очень по-доброму, по-отцовски относился к нам.

Глава 5

*Приложи сердце твое к учению и уши твои к умным словам.
Ветхий Завет. Притчи Соломона*

Учеба, которую без преувеличения можно было назвать боевой, оказалась очень напряженной. Молодые люди в таких условиях быстро взрослеют, студенческая бесшабашность немедленно уступает место пониманию глубокой ответственности, и то, что раньше казалось значимым, в новой жизни становится ничтожным. Вера и Антон не были исключением. Постепенно они втянулись в напряженный график учебы. Развлечений не было – времени едва хватало для отдыха. Наладился быт, совместная жизнь приносила радость, и благодаря этому многие трудности воспринимались легче.

Вязину и Свибловой присвоили воинские звания. У Веры был выбор – остаться гражданской служащей или вступить на офицерскую стезю. Она без сомнений предпочла второе, и это ко многому обязывало, требовало более полной отдачи сил и ответственности. Теперь им стали выплачивать денежное содержание как военнослужащим.

Москва успела показать свою слякотную сущность осенью, непредсказуемый нрав зимой и солнечную приветливость весной. Время шло, к молодым людям приходило понимание того, к чему их готовили, понимание того, что любая упущенная во время занятий деталь в дальнейшей работе может привести к провалу, стоять свободы или самой жизни, и такое осознание придавало сил.

Из воспоминаний полковника СВР В. Свибловой:

Наиболее продолжительным и сложным являлось изучение языков, не менее двух. Один должен быть «родным», а другой – «рабочим», погрешности в котором могут быть объяснены «родным». Занятия проходили индивидуально с преподавателем на начальном этапе, а затем в паре с тем же преподавателем, что делало их более интерактивными и живыми. Французский язык пришелся нам по душе и давался достаточно легко.

Языковые занятия занимали большую часть нашего времени – 3 часа в день с преподавателем и еще столько же дома. Заучивали наизусть диалоги из фильмов, басни, стихи. Мы до сих пор отлично помним многие диалоги из французского фильма «Высокий блондин в черном ботинке» с Пьером Ришаром и фрагменты «Маленького принца» Экзюпери.

За исключением иностранного языка, прочие занятия строились таким образом, что скорее походили на работу начинающего разведчика-нелегала, чем на учебный процесс. Продолжительные беседы на темы различных действий разведчика, как-то: выявление слежки или иных настораживающих моментов, выход к тайнику, изучение личности, актерское мастерство – сменялись практическим закреплением материала. Если первое отнимало много интеллектуальных сил, то второе изматывало физически и к концу недели Вера и Антон падали без сил. Для отдыха оставался только один выходной, да и то не всегда и не полностью.

Каждый предмет учебной программы изучался на разных «объектах». «Объектами» на сленге разведки назывались конспиративные квартиры и прочие места, где проходили занятия, в том числе и практические, за исключением «полевых», подразумевавших отработку навыков, как правило, на улицах города.

Одно из таких «полевых» занятий Вере и Антону пришлось выполнять холодным дождливым днем. Они изучали проверку и уход от «наружки», а затем отрабатывали все способы на практике. Работа велась раздельно и в разных районах Москвы. Несколько часов подряд им пришлось ходить по улицам столицы, раз за разом проделывая то, чему их только что обу-

чил в ходе беседы на «объекте» Виталий Петрович. Молодым людям противостояли опытные сотрудники, и Вере с Антоном пришлось несладко.

Бывали случаи, когда во время проверки по маршруту Вера не замечала за собой слежки. Это волновало ее даже больше. А что, если она была недостаточно внимательна и не сумела распознать, что «ее вели»? Но сегодня в районе улицы Богдана Хмельницкого она заметила женщину лет 45–48, среднего роста и плотного телосложения. На ней было серое драповое пальто и бежевая вязаная шапка, а в руке у женщины была черная сумка. Все это нужно было хорошенько запомнить. В девушке проснулся спортивный азарт, особенно когда та же женщина была замечена при посадке в вагон метро на станции «Таганская» радиальной линии. От Веры не ускользнул и тот факт, что сумки у женщины в тот момент уже не было. В вагоне метро она стояла так, чтобы не встречаться взглядом с Верой, и вышла вместе с ней на следующей станции, но далее за девушкой не последовала. Во время передвижения в городе Вера запомнила автомобиль серого цвета марки «Волга» со знаком 5265. Эту машину она заметила в момент перехода улицы Мельникова и позже на улице Новоостаповская при выходе из книжного магазина. Вера постаралась как можно лучше запомнить двух мужчин в машине, чтобы позже их подробно описать.

Встретились Вера и Антон только поздно вечером дома, а потом до глубокой ночи каждый в своей комнате писал отчет. Это было не менее утомительно, чем многочасовые «прогулки» по Москве. Необходимо было вспомнить и точно описать каждую, с их точки зрения, подозрительную личность, указав при этом место, где человек следил за их передвижением.

На следующий день рано утром зазвонил телефон. Трубку взял Антон.

– Доброе утро, ребятки. Проснулись? – услышал он бодрый голос Виталия Петровича.

– Проснулись...

– Сегодня французский на новом «объекте». Запоминай адрес. – Наставник назвал незнакомый адрес, наскоро попрощался и положил трубку. После вчерашних мытарств даже напряженные занятия по французскому языку казались счастьем и отдыхом.

Часа через два молодые люди подходили к нужному адресу. «Объект» находился в центре Москвы. Это был шестиэтажный дом с эркерами, построенный в начале двадцатого века, украшенный неоклассическим декором. Одна из мемориальных досок сообщала о том, что здесь неоднократно останавливался Максим Горький.

Антон открыл тяжелую дверь парадного, пропустил вперед Веру, и они вошли в дом. Внутреннее убранство было под стать внешнему: высокие потолки, широкая лестница с массивными перилами вела на следующую площадку. Однако воспользоваться ею молодым людям не пришлось. Нужная квартира располагалась на первом этаже. Антон нажал на кнопку старого звонка, тот, едва брякнув, умолк, но и этого оказалось достаточно – дверь сразу открылась.

На пороге стоял забавный маленький и кругленький черноволосый человечек. В зубах он держал дымящуюся сигарету. Открыв дверь, мужчина сделал шаг в сторону, склонил приветственно голову и галантным жестом пригласил гостей в квартиру, поприветствовав их на исключительно чистом французском языке.

Чтобы попасть в гостиную комнату, молодым людям пришлось спуститься на две ступени по лестнице, которая больше походила на небольшое крылечко, сделать несколько шагов по просторному коридору и повернуть направо. Прямо в конце коридора виднелось точно такое крылечко, которое, как потом выяснилось, вело в санузел.

В комнате было сильно накурено. Дым стоял столбом. В деревянном кресле перед самодельным журнальным столиком сидел Виталий Петрович, еще три точно таких же кресла стояли пустыми в ожидании гостей. На инкрустированной дубовыми срезами и покрытой лаком

полированной поверхности стояла пепельница, полная окурков, лежала пара начатых пачек сигарет Gitanes³ и несколько глянцевых французских журналов.

Забавный мужчина также тактично пригласил гостей присесть в кресла и только после этого по-гусарски коротко кивнул головой и представился: Victor.

Тоже поднявшийся с места Виталий Петрович пояснил:

– Это еще один ваш преподаватель французского. Он француз, сын французских коммунистов. Вы достаточно успешно осваиваете азы «родного» языка, и настала пора заняться его совершенствованием. Виктор будет работать над вашим идеальным классическим произношением.

Затем настежь открыл форточку, помахал в воздухе рукой, разгоняя табачный дым, и сел на место.

Вера, любуясь, провела рукой по красивой поверхности стола, и это не укрылось от внимания Виктора. Он довольно заулыбался и произнес: «Я сам его сделать». Добродушный француз достаточно хорошо владел русским языком, но имел заметный акцент и иногда делал забавные ошибки.

Вера с изумлением посмотрела на француза.

– Да-да, – подтвердил Виталий Петрович, – вся мебель самодельная и сделана его руками. Правда, здорово?

С этим невозможно было не согласиться. У Виктора действительно были умелые руки и, как подобает французу, изысканный вкус.

– У него в дальней комнате оборудована столярная мастерская! – продолжал расхваливать француза Виталий Петрович. – Хотите посмотреть?

– Нет-нет-нет, – замахал пухлыми ручками Виктор. – Надо заниматься.

На протяжении почти года французскому языку Вере и Антона обучал Анатолий. Русский по национальности, при этом кучерявый и смуглый, он даже внешне походил на француза. Этот молодой человек, недавно вернувшийся из командировки во Францию, любил и отлично знал культуру этой страны. Именно благодаря ему Вера и Антон узнали и полюбили на всю жизнь французский шансон: Далиду, Джо Дассена, Энрико Масиаса.

Первое занятие с Виктором оказалось коротким. Он скорее походил на врача, который пытается определить состояние здоровья пациента. Судя по всему, француз остался доволен уровнем подготовки подопечных. Он сделал несколько заметок в блокноте, который чудесным образом появился в его руках. Затем Виктор повернулся к Виталию Петровичу:

– С вашего позволения я начну занятия завтра, а сейчас... как мы вчера и договаривались, могу я удалиться на часик?

– Да, конечно. Позвольте нам здесь остаться до вашего возвращения?

– Bien sûr. Конечно. Можете пока посмотреть красивые журналы. А теперь я кланяться вам.

– То есть раскланиваешься? – поправил его Виталий Петрович.

– О, да-да! – поклонился француз.

– У него жена акробатка в цирке. К ней побежал, – с улыбкой пояснил наставник молодым людям.

Виктор ушел, а разговор продолжился уже втроем. Вере и Антону нравились такие беседы, потому что воспоминания Виталия Петровича, его советы, мысли помимо знаний помогали молодым людям обрести то состояние души, без которого невозможно почувствовать себя профессиональным разведчиком. С каждой такой встречей Вера и Антон не только еще глубже осознавали всю сложность дела, которому решили посвятить жизнь, но и сильнее

---

³ С французского – цыганка. Культовая марка французских сигарет, основанная в 1910 году. В 1980-е годы XX века была также элементом определенного артистически-литературного имиджа.

ощущали свою причастность к этому сообществу высокоинтеллектуальных людей, преданных своей Родине, что, несомненно, помогало в учебе, придавало сил. Понимал это и Виталий Петрович. Ему, как никому другому, было известно, какую тяжелую ношу приняла на себя эта, по сути, совсем еще юная пара. Он и его супруга провели более десяти лет на нелегальном положении в одной из стран Европы. Детей у них не было. Увы, таковы были издержки профессии.

Вера закрыла Paris Match, положила его на столик и спросила:

– Виталий Петрович, а вот я хочу вас спросить... почему говорят «разведчик особого резерва?» Мы что же, там будем... бездействовать? Находиться в резерве?

Наставник на несколько мгновений задумался, а потом ответил:

– Да, есть такое понятие «спящий», или «дремлющий», агент. Этот термин в основном используют западные спецслужбы, но я считаю это нонсенсом. Думаю, не надо объяснять, что любое верное решение можно принять, только опираясь на всю полноту информации. Это касается любого уровня и сферы деятельности, что на отдельном предприятии, что на государственном уровне. Даже дома, прежде чем сделать покупку, вы стараетесь узнать об этом товаре как можно больше. Ведь так? – Виталий Петрович испытующе посмотрел на Веру и продолжил: – Разведчик является глазами и ушами государства. Бездействовать нельзя, нужно будет постоянно работать над тем, чтобы повышать свой социальный статус, культивировать контакты и получать самую разнообразную информацию. Работа разведчика не всегда связана с секретами, как многим представляется на основе фильмов. Иногда даже самый охраняемый секрет не имеет значения, а вот настроения и намерения верхушки власти могут быть более важными. Именно знание таких намерений позволит нашему руководству принять правильное решение или осуществить необходимые контрмеры.

Вера и Антон, забыв о журналах, внимательно слушали своего собеседника. Пожалуй, только теперь перед ними открывалась вся глубина и ответственность их профессии. От мысли, что им предстоит давать информацию на самый верх, руководству страны, возможно, Генеральному секретарю КПСС, захватывало дух.

Виталий Петрович машинально взял в руки один из журналов, но тут же положил его обратно и продолжил говорить:

– Задача разведки в целом – услышать и перехватить намерения противника в процессе, еще до того, как решение уже созрело и принято. После этого уже ничего изменить нельзя, да и нет времени, чтобы скорректировать поведение нашей страны. Понятно, что откровенничать с человеком, зная его русские корни – будь он журналистом или дипломатом, – не все сочтут возможным. А вот поделиться с иностранцем из страны-союзника или с гражданином своей страны опасений не будет. Люди, работающие под глубоким прикрытием, «бойцы невидимого фронта», как мы их называем, вносят уникальную и очень важную лепту в огромный поток информации, и государство доверяет им как никому другому. Классический пример – Рихард Зорге. Как известно, он работал в основном с открытыми источниками информации, прессой Японии. Кроме того, а может, важнее всего, он вращался в самых высокопоставленных кругах общества. Глубоко анализировал всю информацию и умел делать правильные выводы о намерениях японского правительства. Обратите внимание, друзья мои, о намерениях! – внушительно произнес Виталий Петрович, подняв указательный палец вверх, и добавил: – Высший класс разведки – это понять, о чем ваш оппонент будет думать завтра, а не о чем он думал вчера.

Другое дело, что и руководство должно полностью доверять своему источнику, внимательно относиться к его информации, в случае необходимости перепроверять ее. В этом смысле Зорге опять здесь выступает в качестве классического примера. Только отрицательного свойства. Мы знаем, что Сталин не поверил ему и к чему это привело.

– Как такое может быть? – удивленно спросила Вера, имея в виду способность разведчика предугадывать действия противника.

– Видите ли, Вера, – медленно произнес Виталий Петрович, лукаво глянул на девушку, мгновенно сделался опять серьезным и снова продолжил: – Дело в том, что любой руководитель высокого ранга думает уже с помощью советников, это с одной стороны, а с другой стороны, два умных человека, имея одинаковую в своей полноте информацию, сделают одни и те же выводы и примут единственно правильное решение независимо друг от друга. Какова в связи с этим задача разведчика? – спросил наставник, обращаясь на этот раз к Антону.

Тот на мгновение задумался и сказал:

– Первое – постараться получить информацию раньше советника, а во-вторых... быть таким же умным, как он, или еще умнее.

– Точно! – воскликнул Виталий Петрович. – А еще лучше постараться самому навязать ее советнику, уже имея в уме решение или контрход. Поэтому постоянно совершенствуйтесь. Получайте знания, повышайте образование, анализируйте различные ситуации и читайте хорошие книги. Много книг. Именно книги формируют интеллект. Вы уж простите меня за навязчивую назидательность и, возможно, патетику, но, по сути, так оно и есть.

Тут открылась входная дверь. Это вернулся Виктор. Виталий Павлович поднялся с места, и это означало, что разговор на сегодня завершен.

Глава 6

Неприятности дают человеку возможность познакомиться с самим собой.

Эпиктет, древнеримский философ

Антон бросил прощальный взгляд в иллюминатор самолета на красноярскую землю и, откинувшись в кресле, закрыл глаза. Только что он, как в ледяную крещенскую воду, окунулся в свою юность. Душа на мгновение замерла, и теперь горячая тоска разливалась по телу, овладевая мыслями и воспоминаниями недавнего прошлого.

Все произошло неожиданно и быстро. Еще сегодня утром, когда Вера и Антон, только проснувшись, как всегда, собирались на занятия, раздался телефонный звонок. Трубку взял Антон и услышал голос Марка. Марк, большой и грузный мужчина с добрым лицом, был одним из их инструкторов.

– Доброе утро, Антон, – произнес он и тоном, не терпящим возражений, продолжил: – Через десять минут ты должен быть внизу. Возле подъезда тебя будет ждать машина. Все объясню потом. И еще... паспорт захвати.

Впрочем, возражать или задавать вопросы никто и не собирался, и ровно в указанное время Антон уже садился в белые «Жигули», а еще через сорок минут автомобиль остановился возле подъезда одного из «объектов», где он и Вера бывали не раз. Дверь открыл Марк и сопроводил молодого человека в комнату.

За столом сидел незнакомый мужчина в гражданском. Марк, кашлянув, начал говорить:

– Значит, так, Антон. Наши коллеги отслеживают наркотрафик из Средней Азии в Москву. Один из перевалочных пунктов – Красноярск. Все остальное тебе сейчас товарищ расскажет. – Инструктор кивнул головой в сторону незнакомца.

– Дело в том, что там, в Красноярске, товар должен был принять наш человек, а сегодня вечером здесь, в Домодедово, его должен встретить наркокурьер. Принять-то товар Сергей принял, но на обратном пути попал в серьезную дорожную аварию и теперь лежит в больнице с переломом руки. Нам срочно нужен человек, который очень хорошо знает Красноярск и может выступить в роли Сергея, – собеседник закончил несколько сбивчивое объяснение, умолк и посмотрел на Марка, а тот, в свою очередь, повернувшись к Антону, продолжил:

– Короче говоря, Антон, тебе немедленно надо будет отправиться самолетом в Красноярск, принять там товар, вернуться в Москву и передать его очередному наркокурьеру. На этом твоя задача заканчивается. Ты готов?

– Конечно, готов, – ответил молодой человек.

– Тогда собираемся. Рейс через два часа. Времени едва-едва добратся. Билет получишь там. Подробности и детали расскажу в машине. В Красноярске тебя встретят сотрудники местного управления. Обратный билет и дополнительные инструкции получишь там. Идем, – командовал Марк и поднялся с места.

Вязин родился Красноярске, и вернуться сейчас в родной город, пусть и на несколько часов, буквально означало оказаться в недавнем прошлом. Однако мечтам Антона хотя бы одним глазком увидеть любимый город не суждено было сбыться. С учетом разницы во времени самолет приземлился в аэропорту города Красноярска уже вечером, и до регистрации на обратный рейс оставалось менее часа.

Возле трапа молодого человека встретили двое мужчин. Один из них обратился к нему по имени, а затем Антон вместе с ними проследовал в здание аэропорта. В небольшом служебном помещении, где ничего не было, кроме письменного стола и нескольких стульев, один из

мужчин сел на стул, пригласил сделать то же самое Вязину. Другой мужчина остался стоять возле входа, предварительно заперев дверь на ключ.

Первый незнакомец достал из кармана билет на обратный рейс, положил на стол, а потом подвинул его к Антону и произнес:

– Билет на твое имя. В Домодедово тебя должен встретить вот этот человек, – мужчина достал из кармана фотографию, показал ее и продолжил инструктаж: – «Дипломат» передашь ему. С того момента ты – Сергей. Сейчас я выведу тебя в зал. Регистрация через тридцать минут.

В дверь осторожно постучали. Второй мужчина отпер дверь, и в помещение вошел человек с хозяйственной сумкой в руках. Он поставил ее на стол, вынул портфель-«дипломат» с яркой наклейкой и положил его рядом. Затем забрал хозяйственную сумку и вышел. За все это время он не произнес ни слова.

– Это, – мужчина кивнул головой в сторону «дипломата» и продолжил: – портфель с двойным дном. В нем килограмм гашиша. Ни в коем случае не открывай. Если вдруг что-то пойдет не так, и только в крайнем случае можешь сказать, что ты знакомый Сергея, а тот лежит во второй горбольнице с травмами после аварии. Это можно будет легко проверить. Там подтвердят. Тебе все понятно? Задача, как видишь, максимально простая. Отдашь «дипломат» и сразу постарайся смешаться толпой. Там тебя твои должны будут «подхватить».

Антон кивнул головой, взял билет и убрал его в карман.

Через несколько часов самолет приземлился в Москве, шасси застучали по бетону, нутужно заревели турбины, гася реверсом скорость. Миссия Антона подходила к концу. «Ту-154» медленно выруливал к стоянке, где пассажиров уже ожидал автобус.

Перед входом в здание аэропорта молодой человек задержался, пропустив всех пассажиров вперед, и одним из последних вошел в зал прилета. Не обращая внимания на назойливых таксистов, он шагал вдоль ограждения и внимательно рассматривал встречающих людей.

Наконец молодой человек увидел знакомое лицо. Взгляд этого человека высматривал ручную кладь в руках прибывших пассажиров. Увидев на «дипломате» Антона яркую переводную картинку, на которой был изображен памятник Воину-освободителю в Трептов-парке, он поднял глаза.

Молодой человек подошел к мужчине, поздоровался и протянул портфель, а тот с ухмылкой на губах, как будто приветствуя, приобнял Антона и прямо в ухо низким голосом процедил сквозь зубы:

– Ты что, хочешь, чтобы меня прямо тут «замели»? Неси до машины, пусть он пока твой будет.

Молодому человеку ничего не оставалось делать как последовать за незнакомцем. Антон почувствовал себя неуютно. Ситуация начала развиваться не так, как он предполагал.

Положение усугубилось, когда молодой человек понял, что их сопровождает еще один мужчина. Высокий, крепкого телосложения, он выглядел угрожающе.

Вместо того чтобы принять «дипломат», Антона грубо затолкали в машину, и старенький зеленый «Москвич» рванул с места. Молодой человек оказался зажатым на заднем сиденье между двумя крепкими парнями, а встречавший его мужчина, вероятно главарь, расположился впереди рядом с водителем.

Антон понимал, что теперь находится в полной их власти, но для чего он им был нужен? Страх не было – была готовность к любому повороту событий, поэтому выкидной нож, который достал из кармана один из мужчин, его уже не испугал. Тот, с ножом, в свою очередь, перевернул «дипломат», лежавший у него на коленях, открыл его, выбросил содержимое, а затем острым лезвием вскрыл двойное дно.

– Слышь, Португалец, – обратился он к главарю и злобно процедил: – здесь ничего нет. Пусто.

– Что? Как нет? – прокричал Португалец, толкнул водителя в бок и скомандовал: – Сворачивай в лес!

«Москвич» свернул на первую же проселочную дорогу в лес, проехал пару десятков метров и остановился. Антона грубо выволокли из машины и, завернув руки назад, опрокинули лицом вниз на грязный капот. Португалец достал пистолет, передернул затвор и ткнул стволом в затылок Антону.

– Чувствуешь «волюну»? Колись, где гашиш, или кончать сейчас тебя будем, – прошипел он.

– Я не знаю, я даже не открывал портфель, – прохрипел Антон, сплевывая грязь изо рта. Один из бандитов обыскал молодого человека, достал из его кармана паспорт.

– Португалец, а он не Сергей даже. Подставной, – выругался он.

– На ментов работаешь? – то ли вопросительно, то ли утвердительно сказал главарь.

– Что, кончать его будем? – спросил бандит с пистолетом, не отнимая ствола от затылка Антона.

– Ты debil? А через кого гашиш будем искать? – со злостью спросил Португалец, а потом, несколько успокоившись, скомандовал: – Отпусти его. Сначала допросим с пристрастием, а потом... посмотрим.

Хватка бандита ослабла, и Антон разогнулся, потирая руки. Он понимал, что, скорее всего, живым ему отсюда не выбраться, только больше всего было обидно погибнуть от рук бандитов, да еще и за наркоту.

В это время из-за ближайшего поворота неожиданно вывернул белый «жигуль», а из открытого окна высовывался, насколько ему позволяла полнота, Марк. Лицо его было напряженным. Бандиты мгновенно превратились в доброжелательных парней. Один из них убрал пистолет, достал носовой платок и начал вытирать лицо Антона, испачканное в грязи.

– Прости, друг. Так надо было. Считай, что тебе повезло, в сталинские времена тебя бы на расстрел вывели на проверку, – произнес он. Португалец подошел к «Жигулям» и сказал Марку:

– Парень – молодец. Держался достойно.

– Вижу, – пробурчал Марк и, обращаясь к Вязину, добавил: – Садись, Антон, поехали домой. Отчет будешь писать завтра. Очередной зачет ты сдал.

Всю дорогу ехали молча. Домой Антон попал затемно. Вера, догадываясь, что мужу сегодня досталось, нежно обняла его и повела на кухню ужинать.

Спать легли рано. Антон уснул быстро, а Вера еще долго лежала рядом с ним и смотрела на любимого, пытаясь понять, что ему пришлось сегодня пережить.

Из воспоминаний полковника СВР В. Свибловой:

Мы с Антоном по характеру абсолютно разные люди, но, как говорят, противоположное притягивается. Я по натуре живая и общительная. Он более сдержанный и вдумчивый. В нем всегда чувствовались твердость, сила воли и надежность. Я, может, и позволяла себе быть беззаботной только потому, что чувствовала себя за ним как за каменной стеной. Так было в молодости во время подготовки, так было все годы совместной жизни и работы на нелегальном положении, так есть и сейчас после возвращения на Родину.

Глава 7

*Давным-давно известно нам, что жизнь – игра, мы в ней актеры,
и наши поиски и споры – лишь дополнение к ролям.
Шекспир, английский драматург*

Объект «Дача», Подмосковье, СССР, 198... год

Учеба подходила к концу. За несколько лет напряженной работы Свиблова и Вязин во многом изменились. День за днем, месяц за месяцем их инструкторы и преподаватели, передавая своим подопечным бесценные знания и опыт, формировали в них совершенно новые личности, стараясь при этом не разрушить юношеских идеалов и любви к советской Родине. Вера и Антон, сами того не замечая, постепенно обретали новый, западный менталитет, но при этом тонкая нить, связывающая их с отчим домом, оставалась незыблемой. Более того, молодые люди еще больше утвердились в правильности своего выбора, и теперь они, понимая суть и назначение нелегальной разведки, вооружившись конкретными навыками, знали, что им предстоит делать, стремились к этому, с нетерпением предвкушая настоящую работу в особых условиях. Свиблова и Вязин узнали свои новые имена, которые должны были им стать родными на долгое время, а возможно, даже на всю оставшуюся жизнь.

Они уже обдумали детали своих легенд, мысленно прожили иное детство, юность, обрели другой отчий дом. Самым сложным оказался момент, когда потребовалось выдумать и принять личности их новых родителей, которых они никогда не видели, не знали, но которые теперь должны были заменить образы любимых – и настоящих – мамы и папы.

Это порождало в Вере и Антоне какую-то неуютную, холодную двусмысленность, но вместе с тем они прекрасно понимали, что со временем все воспоминания, связанные с их родными, будут стираться в памяти. Того требовали обстоятельства новой жизни, и оставалось только надеяться на то, что тепло, подаренное настоящими родителями, будет согревать души молодых людей еще очень долго.

Белые «Жигули» мчались по загородному шоссе из Москвы в один из престижных дачных поселков. За рулем сидел Виталий Петрович. Разговор не клеился. Вера и Антон толком не знали, куда их сейчас везут. Перед поездкой куратор был немногословен, сказал только, что это будет интересный и нужный этап их учебы, но подчеркнул, что предстоящее дело нельзя считать отдыхом. Молодые люди были в недоумении, но вопросов не задавали, а Виталий Петрович молчал.

Машина резко притормозила и, едва не проскочив нужный поворот, свернула с сторону дачного поселка. Еще через пару минут она остановилась перед глухими голубыми воротами. За высоким кирпичным забором послышался лай собаки. Виталий Петрович пригласил молодых людей выйти из «Жигулей».

Они вошли во двор через такую же глухую дверь калитки. Прямо перед ними стоял красивый дом, как будто сошедший с фотографий зарубежного журнала. Второй этаж этого чудесного и уютного теремка в немецком стиле был прикрыт густыми кронами высоких деревьев. Собака, явно узнав Виталия Петровича, завиляла хвостом. Чуть дальше в тени сада виднелся небольшой флигелек, из которого вышел мужчина. Куратор приветственно махнул ему рукой, тот ответил и сразу же исчез за дверями.

– Ну, идемте в дом, молодые люди, – пригласил Виталий Петрович, и Свиблова с Вязиным проследовали за ним. У Антона в руках была небольшая сумка с вещами.

Дом не разочаровал и своим внутренним убранством. Пол просторной веранды был застелен цветастыми половиками. Возле стены стоял небольшой, украшенный маленькими подушками плетеный диван. Два точно таких же кресла располагались возле столика в центре помещения. Полупрозрачные шторы делали веранду очень уютной.

Виталий Петрович внутрь проходить не стал и распрощался с молодыми людьми на крыльце.

– Ваша задача на ближайшее время – окунуться в зарубежную атмосферу, смотреть американские и французские фильмы, читать книги и осваивать все, что здесь находится, – бытовую, кухонную технику. Если уж совсем чего-то не поймете... звоните, – улыбнулся наставник и продолжил: – Телефон здесь имеется. Тоже импортный. Да... и еще... сегодня у нас понедельник, а в четверг вы должны будете принять гостя, который только вернулся из США. Счастливого оставаться, – произнес он на прощание и ушел.

Вера и Антон поняли, что в действительности им предстоит встретить Майка – их преподавателя «американского» английского языка – и общаться с ним, изображая из себя настоящих американцев. Для Свибловой и Вязина это обещало быть серьезным испытанием и тестом на знание языка.

Гостиная была обставлена под стать веранде, но гораздо изысканнее и богаче. Внимание молодых людей сразу привлек огромный белый диван в центре комнаты, удивил и камин с небольшим запасом дров, толстый мягкий ковер на полу.

На втором этаже располагались две спальни с роскошными кроватями и большая, сверкающая никелем и малахитовой кафельной плиткой ванная комната. Веру в первую очередь заинтересовала кухня. Темно-коричневый гарнитур, заставленный разнообразной бытовой техникой, мог потрясти неподготовленное женское воображение.

Пока Антон изучал видеомэгафон и музыкальный центр в гостиной, Вера знакомилась с содержимым огромного холодильника. Он был заполнен импортными продуктами в ярких упаковках, с которыми тоже еще предстояло разобраться и научиться без затруднений их вскрывать. Девушка взяла две банки пепси-колы, которые до этого видела только в рекламе зарубежных журналов, и помчалась в гостиную.

– Антон, смотри что я нашла! – весело сообщила она мужу и показала напиток. Тот сидел на ковре и увлеченно рассматривал видеокассеты. Именно от такого удивления и восторга, вызванного необычными для советских людей вещами в доме, и предстояло им избавиться за неделю, привыкнув к обстановке и превратив такую жизнь в банальную для себя обыденность. В этом и заключалось нынешнее задание.

Вера протянула мужу одну банку и сказала:

– Только я не понимаю, как она открывается...

– Сейчас разберемся, – деловито произнес молодой человек и стал внимательно рассматривать синюю жестянку. Девушка присела возле него на колени и спросила:

– Может, нож принести?

– Может, – коротко ответил Антон, подцепил ногтем скобу, и банка с шипением открылась.

Пока Вера листала журналы, Антон продолжал рассматривать видеокассеты. Наконец он, остановившись на одной из них, произнес:

– А смотри, что я нашел, – и протянул свободной рукой кассету с эротическим изображением мужчины и женщины на фоне пляжа. – И на французском языке, – многозначительно добавил он. На кассете было написано «Emmanuelle».

– Посмотрим? – предложил Антон.

– Oui!⁴ – тут же отозвалась Вера и продолжила: – Я только еще вина и фруктов принесу. Там и вино французское есть!

Через несколько минут она вернулась, поставила два бокала, бутылку вина и вазу с фруктами на журнальный столик, а сама взобралась с ногами на диван. Антон остался сидеть на ковре, только придвинулся поближе.

Обстановка в квартире на экране телевизора очень напоминала ту, в которой они сейчас находились, и даже белый роскошный диван был как и тот, на котором сейчас сидела девушка. Более того, главная героиня внешне даже чем-то напоминала Веру.

Когда по сюжету фильма парень и девушка стали подсматривать за любовными утехами главных героев, молодые люди переглянулись. Далее начали мелькать более откровенные кадры. Антон чуть придвинулся к жене, и этого оказалось достаточно, чтобы внезапно нахлынувший порыв страсти накрыл их. Молодой человек взял Веру за руку и нежно потянул к себе. Она соскользнула на мягкий ковер. Через несколько мгновений они уже не скрывали своего возбуждения и наслаждались близостью друг друга. В какой-то момент недопитый бокал вина упал на пол, но молодые люди этого не услышали, им уже не было дела и до того, что происходило на экране...

Прохладный душ вернул молодым людям силы. Еще через полчаса они вновь спустились в гостиную. Вера сбросила накинутый на плечи пеньюар, снова удобно устроилась на диване и изящно потянулась, лукаво глянув в сторону фотоаппарата, который лежал на комод. Антон улыбнулся, взял его и принялся фотографировать девушку, а та с каждым щелчком затвора «Кодака» меняла позы, становясь все обольстительнее. В конце концов Вязин отбросил фотоаппарат и стиснул ее в своих объятиях...

Остаток вечера они провели за проявлением пленки, так и не решившись напечатать фотографии. Фотодело они осваивали уже несколько месяцев. Такие навыки были необходимы для разведчиков, потому что, возможно, за рубежом они могли бы зарабатывать этой профессией на жизнь.

Именно здесь, на «Даче», постепенно лепились характеры будущих Анабель Ламонт и Дэйва Харди. Осваивалась присущая иностранцам манера поведения, жесты, совершалось вдумчивое проникновение в западную культуру. Даже такое, не свойственное советскому обществу понятие, как эстетика секса и брачных отношений, требовало ознакомления и внимательного изучения. Приходилось до автоматизма практиковать типичное для французов приветствие, когда нужно трижды формально, очень стилизованно, коснуться щеки человека, начиная с левой стороны. А вот неприличный американский жест с использованием среднего пальца руки следовало просто принять к сведению, так как частое его употребление не предполагалось.

---

⁴ Да! (фр.)

Глава 8

*Импровизировать может лишь тот, кто знает роль назубок.
Джоди Фостер, американская актриса*

В четверг около полудня залаяла собака, извещающая о том, что гость приехал. Калитку ему открыл глава семьи, которая обслуживала усадьбу, но сам он в дом заходить не стал, а только проводил гостя до веранды и ушел. Антон встретил Петра Алексеевича на веранде и проводил в гостиную. Когда долговязая фигура гостя появилась в дверях, Вера уже заканчивала накрывать стол для скромного, но изысканного фуршета: красиво порезала колбасу, сыр, поставила бутылку красного вина, а также несколько видов канапе и тарталеток, рецепты которых девушка нашла в зарубежных журналах.

Из воспоминаний полковника В. Свибловой:

Как только наш французский достиг хорошего уровня, мы начали с нуля учить английский. Теперь нужно было успевать работать над двумя языками одновременно. Американские язык и культуру мы также познавали через фильмы, песни и литературу. Английское произношение давалось нелегко. Звук должен идти из гортани, а в русском и французском в основном задействованы губы, и звук не такой глубокий.

Работа над языком, особенно использование сленга, продолжалась и тогда, когда мы переехали в Северную Америку. После 2–3 лет проживания в среде мы почувствовали себя местными.

– Я – Пит, – с порога начав игру, произнес Петр Алексеевич на английском языке с заметным хорошо поставленным американским акцентом, протянул Вере набор пирожных и добавил: – А это на десерт.

– Майк, – поддержал инсценировку Антон.

– Молли, – сказала Вера.

– Я с вашего позволения присяду. Путь из Сан-Франциско был долгим, – проговорил Пит. Девушка взяла со стола тарелку, положила сверху вилку и салфетку и подала гостю. Молодые люди поняли, что коль скоро был упомянут этот город, значит, именно он будет основным предметом обсуждения, поэтому Вера обрадованно воскликнула:

– Неужели вы там были?

– Да. Только оттуда.

– Знаете, мы тоже были, буквально несколько месяцев назад, – вступил в беседу Антон-Майк и, мгновенно преобразившись, продолжил: – Мы там учились некоторое время в университете Сан-Франциско.

– В каком? – переспросил Пит, и это был первый вопрос-ловушка: в этом городе высших учебных заведений много, но два из них имеют почти одинаковые названия – Университет Сан-Франциско и Государственный университет Сан-Франциско. Об этом непременно должен был знать человек, который там обучался. Пит с невозмутимым видом сидел на подлокотнике кресла и поглощал одно за другим канапе, запивая вином.

– Мы учились в частном, – ответил Антон-Майк, ловко поддевая кусочек сыра, и немного язвительно пояснил: – Их действительно часто путают, особенно те, кто никогда не был в Сан-Франциско.

За время обучения молодые люди тщательным образом изучали и запоминали более десятка городов США и Европы, не считая конкретных объектов – аэропортов, железнодорож-

ных вокзалов, морских портов. Читали и перечитывали рекламные проспекты, изучали карты, смотрели и запоминали фотографии.

Запоминанию большого количества информациигодились специальные занятия по развитию памяти, и в первую очередь – зрительной.

Из воспоминаний полковника СВР В. Свибловой:

Несколько занятий было направлено на тренировку зрительной памяти. Она необходима в работе для запоминания лиц, текста, различных сведений. Приходилось работать в специально оборудованной комнате. Нужно было запомнить рисунки с изображением лиц, затем распознать их среди множества других представленных на экране. Изучали типажи, приемы по выявлению особых примет во внешности человека. Запоминали также конкретную информацию, а потом ее воспроизводили. Разведчик здесь учился быть сыщиком, сродни Шерлоку Холмсу, человеку с особыми способностями.

Иногда такие занятия проходили в условиях специально создаваемого стресса, да еще и с проводами и датчиками на голове и руках, чтобы фиксировать реакцию. Голос за кадром, нагнетая волнение и беспокойство, назойливо напоминал, что работа выполнена плохо и слишком медленно. Это было своеобразным тестом на умение работать под постоянным стрессом, в напряжении. Как бороться с напряжением, нас учили на сеансах по аутотренингу – технике расслабления и самовнушения, которая позволяла контролировать стресс и эмоции и тем самым оберегать здоровье.

– И как вам понравилось там? Где вы жили? – живо поинтересовался Пит.

– Мы жили... Там забавная история случилась, – вмешалась в разговор Вера-Молли. – Забронировали номера в мотеле, приехали вовремя, а нам говорят: брони нет. Долго разбирались, пока наконец не выяснили, что мы обратились в «Ломбард Плаза Мотель», а номера забронировали в «Ломбард Мотеле». Почувствуйте разницу, что называется.

– А что, там разве есть такой?

– На этой же улице, только ближе к Ван Нес-стрит. По правую сторону на углу Франклин-стрит.

– Не припоминаю, – засомневался Пит.

– Зелененькое такое, трехэтажное здание. У него на крыше билборд расположен с рекламой водки «Абсолют», – принялась объяснять Вера-Молли. Все это было правдой до мельчайших деталей. Девушка могла бы даже назвать цвет урны возле входа в мотель, но пока это было излишним.

Встреча продолжалась уже около трех часов. Давно закончился фуршет, выпито кофе и съедены пирожные, а Пит все продолжал испытывать молодых людей на прочность. «Молли» и «Майк» устали. Им приходилось ежесекундно быть настороже, чтобы точно и правдоподобно отвечать на вопросы Пита, при этом еще и запоминать все, что говорили они сами, до мельчайших деталей, потому что их визави мог в любой момент как бы случайно задать вопрос, на который хозяева уже отвечали. Кроме того, надо было еще и говорить на неродном языке, как «native-born American».

С виду все выглядело как обычная беседа: доброжелательный Пит, веселая Молли и общительный Майк вели дружеский разговор о приятном времяпрепровождении в Сан-Франциско.

– А как вам достопримечательности? Мост «Золотые ворота»? – поддерживал обмен мнениями Пит, постепенно подводя собеседников к очередной ловушке, но молодые люди об этом пока не догадывались.

– На смотровой площадке? Vista Point? Изумительно! – восторженно подтвердил Майк.

– Да-да, именно там я и был. Мне показалось, что с этого места наиболее красивый вид. И знаете, что меня больше всего поразило? – спросил Пит и сам же начал отвечать: – Отвага маляров! Вы обратили на них внимание? Хотя... впрочем, ремонт только начинался, и при вас их наверняка не было...

– Ну почему же? Мне кажется, они там работают всегда, – тут же отреагировал Майк. Вопрос Пита действительно был хитрым. Дело в том, что полная покраска моста занимала около четырех лет и ровно через столько же времени требовалось обновление, поэтому маляры висели на башнях моста постоянно. Эта деталь могла быть известной только тем, кто побывал в Сан-Франциско. Вере и Антону эту подробность рассказал инструктор Марк, который там неоднократно бывал.

В это время с улицы послышался сигнал автомобиля.

– О! – воскликнул Пит, посмотрел на часы и продолжил: – Это за мной. Я вынужден раскланяться.

«Майк» пошел его проводить, а когда вернулся – «Молли» уже убирала посуду.

– Ну, как ты думаешь? – спросила она на по-французски.

– Я думаю, что «проколов» не было, – ответил «Майк», – иначе бы он сразу сказал.

С начала появления их на объекте «Дача» Вера и Антон договорились говорить только на английском или французском языках и не допуская ни слова по-русски, поэтому их «игра» продолжалась.

Это было действительно сложное испытание. Первый раз молодым людям пришлось использовать все навыки, полученные за время подготовки, в том числе и актерское мастерство. Однако именно здесь Вера и Антон почувствовали уверенность в себе, практически осознали, хоть и не в полном объеме, как им придется жить уже совсем скоро.

Из воспоминаний полковника СВР В. Свибловой:

Профессия разведчика позволила мне в определенной степени проявить мою творческую натуру. В детстве я любила все, что связано с искусством. Интерес к музыке, танцу и живописи мне привил папа, который сам играл на многих инструментах, увлекался джазом и имел огромную коллекцию книг, нот и пластинок. Маленькой девочкой, слушая пластинки, я наряжалась и изображала актрису музыкального спектакля, напевала арии из оперетт Кальмана. С раннего возраста занималась балетом и в девять лет поступила в хореографическое училище, где проучилась несколько месяцев, но тяжело переживала разлуку с домом и семьей и в конце концов уехала обратно. После окончания школы безуспешно пыталась поступить на факультет искусствоведения. Окончив музыкальную школу по классу скрипки, я стала участником ансамбля скрипачей, и выступления на сцене приносили мне невероятную радость.

В те юношеские годы я и не могла себе представить, что судьба преподнесет мне удивительную возможность перевоплощения. Мне предстояло развить актерское мастерство, создать себе образ и жить в нем длительное время. Специальных занятий по актерству у нас не было, поэтому тренировались в основном сами. Часто на языковых занятиях приходилось изображать то француженку, то англичанку, то канадку, придумывая прошлое своего персонажа, обстоятельства ее жизни, в манере и жестах соответствовать той национальности, за которую себя выдавала. Одним из первых уроков мы усвоили, как нужно правильно считать на пальцах: в большинстве своем иностранцы при счете разгибают пальцы руки, тогда как русские их загибают. Вроде мелочь, но для разведчика – наиважнейший навык, который в последующем мог нас где-нибудь подвести...

Глава 9

*Гардероб – это образ жизни.
Ив Сен-Лоран, французский модельер*

Москва – Прага, 198... год

Поезд дрогнул, лязгнув сцепками вагонов, и медленно тронулся с места. Вокзал города Бреста, своим острым шпилем напоминавший московскую сталинскую высотку, поплыл назад. Молодые люди с особым вниманием смотрели на окна подвала этого здания, вспоминая историю героической обороны времен войны. Только что пожилой попутчик пояснил, что небольшие углубления, поросшие травой на опушке леса вдоль железной дороги, были следами воронок от снарядов.

Свиблова и Вязин всю жизнь прожили в Сибири, где боев не было, и сейчас воочию увидели следы войны, хотя с тех пор прошло уже более сорока лет. Этот случайный «урок мужества», который преподавал им седой мужчина за несколько километров до границы СССР, живо напомнил о военном прошлом.

Молодые люди зашли в свое двухместное купе международного вагона. С такими удобствами они путешествовали впервые. Мягкие диваны, уютная обстановка, работающий кондиционер были доступны только пассажирам, выезжающим за границу. Путешествие длиной чуть более суток после напряженной учебы обещало стать настоящим отдыхом. Только что Вера и Антон предъявили свои новые паспорта, прошли таможенный досмотр, и теперь впереди их ждал пограничный контроль на сопредельной стороне – в Польше на станции Тересполь.

В те годы СССР наконец поднялся из руин. Была освоена целина, строились современные заводы, возводились новые микрорайоны и даже города, завершилось строительство одной из самых крупнейших в мире Байкало-Амурской железнодорожной магистрали. Люди переселялись из бараков и коммуналок в отдельные квартиры. Постепенно менялась жизнь, выросло молодое поколение, не знавшее войны. Народ гордился успехами в промышленности, освоении космоса. Но вот в сельском хозяйстве и обеспечении населения товарами широкого потребления дела складывались не лучшим образом.

Полки продуктовых магазинов не поражали богатством выбора, промышленные товары были либо дефицитом, либо качество их оставляло желать лучшего. Предметы «роскоши» – мебель, автомобили – продавались по карточкам после многолетнего ожидания. Только холодильники были в избытке. Но, несмотря на небогатую жизнь, отличительными чертами советских людей оставались оптимизм и энтузиазм.

Вместе с тем глагола «купить» в обиходе почти не встречалось, его заменило слово «достать», «достать по блату», то есть через знакомых. При всех трудностях так или иначе люди умудрялись обеспечивать себе достаточно благополучный уровень жизни. Однако пределом мечтаний по-прежнему были одежда, обувь и прочие предметы быта производства стран социалистического лагеря: Венгрии, Чехословакии, Польши и особенно Югославии.

В этом смысле Вера и Антон не были исключением. Любить Родину не означает не любить благополучие. Молодые люди стремились красиво и модно одеваться, но даже то, чем они располагали сейчас, никак не делало их похожими на граждан европейских стран. Изменение своего внешнего вида было неотъемлемой частью подготовки для предстоящей работы.

Однажды Виталий Петрович пришел к ним в гости со светло-зеленым чемоданом в руках, который был явно импортного производства. Молодые люди догадались, что им наконец-то

предстоит поездка за рубеж, и оказались правы. Однако цель командировки оказалась для них неожиданной.

Куратор положил чемодан на журнальный столик, открыл его, но, к удивлению Веры и Антона, там было пусто. Только на дне лежал аккуратно упакованный сверток. Виталий Петрович достал его и вручил Вере.

– Это тебе для начала небольшой подарочек, – произнес он, а потом добавил: – А теперь давайте присядем, и я расскажу вам, что значит «для начала» и что будет потом.

Пока все рассаживались, Вера с нетерпением, но внешне спокойно открыла сверток. Внутри оказался флакон французских духов «Шанель номер пять». Подарок был действительно роскошным. Девушка была обрадована не столько дороговизне подарка, она была тронута вниманием наставника, который прекрасно знал, что доля женщины-нелегала по-своему сложнее, чем мужчины.

– Вот этот чемодан, – продолжал говорить Виталий Петрович, – вам предстоит наполнить необходимыми вещами: одеждой, обувью, бельем и прочими бытовыми принадлежностями. В Праге. Условие одно – все должно быть западноевропейского производства. Германия, Франция, Италия и другие... надо тщательно за этим следить.

Молодые люди переглянулись. Они поняли, что, по сути, это уже «экипировка» на «главное задание» и отправка для выполнения совсем скоро. Виталий Петрович убрал чемодан со стола, переложил его на диван и достал из кармана два новых заграничных паспорта синего цвета. Именно такие выдавались в СССР для поездок в страны социалистического лагеря. Пролистал документы и раздал их молодым людям. Вера и Антон сразу же открыли их, чтобы ознакомиться со своими новыми именами. Пока они смотрели документы, куратор положил на стол два билета на поезд до Праги. В последнюю очередь Виталий Петрович передал Антону толстую пачку чехословацких крон в банковской упаковке и, обращаясь к Вере, произнес:

– Деньги для покупки вещей. Должно хватить. Если будут вопросы, обращайтесь к нашему человеку из посольства. Он должен встретить вас на вокзале. Вопросы есть? – Вопросов не было. Виталий Петрович умел объяснить задачу четко, точно и исчерпывающе.

Пока Вера и Антон рассматривали полученные бумаги, куратор продолжил говорить:

– Это вот что касается «для начала», а теперь главное, – потом сделал паузу, молодые люди подняли головы и приготовились слушать. – Через шесть месяцев, то есть в конце ноября, мы планируем ваш выезд в долгосрочную командировку. Вера чуть раньше, Антон чуть позже. Встретитесь уже там. Новый год встречать будете тоже там. Подробности позже, после того, как вернетесь из Праги.

А через двое суток поезд, в котором ехали Свиблова и Вязин, уже пересекал реку Буг. Два пограничных контроля прошли благополучно, без особых волнений, а иначе и быть не могло, потому что паспорта были подлинные, хотя и с вымышленными именами.

Вечером того же дня поезд, лениво перестукивая колесами, медленно втянулся в крытый перрон главного вокзала Праги. У вагона, как и предупреждал Виталий Петрович, молодых людей встретил сотрудник советского посольства. Фонари еще не зажглись, и в вечернем полумраке Вере и Антону вдруг на какой-то миг показалось, что они вернулись в Москву – настолько, казалось, походили друг на друга перроны двух столиц. Однако внутренний интерьер Главного вокзала был настолько монументальным и красивым, что молодые люди невольно замедлили шаг, любуясь великолепным вестибюлем под огромным куполом, витражами, скульптурами и арочными перекрытиями. Пожалуй, пражский вокзал можно было назвать одной из достопримечательностей столицы Чехословакии.

Впрочем, любоваться красотами пока было некогда, встречающий быстро вывел их на привокзальную площадь, затем они пресекли парк и свернули в одну из тихих пражских улочек. Парадное, в которое вошли молодые люди, напомнило им московский дом, в котором жил их преподаватель французского языка Виктор, но на этот раз молодые люди поднялись на

третий этаж, и сотрудник посольства дважды прокрутил ручку старого звонка, слабым треньканьем извещая о приходе гостей.

Дверь открыла пожилая сухонькая женщина с черными грустными глазами. Их выражение не менялось даже тогда, когда она улыбалась. Хозяйка поправила седые волосы, представилась: «Катержина», – и пригласила всех в квартиру. Представитель посольства проходить не стал, оставил молодым людям свой номер телефона и, сказав, что завтра в десять утра придет за ними, тут же ушел.

Оказалось (и это был приятный сюрприз), что хозяйка довольно сносно говорила по-французски. В квартире было чисто и уютно, но мебель, похоже, за последние сорок лет здесь ни разу не менялась. Стены были увешаны старыми пожелтевшими фотографиями родственников. Самым большим было изображение маленького мальчика в белой рубашке и шортиках с ляками.

После того как хозяйка показала Вере и Антону их комнату, она предложила молодым людям ужин, но они вежливо отказались, решив немного погулять по вечерней Праге. «Только не заблудитесь», – заботливо напутствовала Катержина. Далеко уходить молодые люди не стали. Знакомым маршрутом они дошли до вокзала и после короткой экскурсии по его залам возвратились обратно.

Глава 10

Война есть не только потрясение, но и духовное испытание и духовный суд.

Иван Ильин, русский философ

На следующее утро Вера и Антон проснулись по московскому времени поздно, но по местному оказалось в самый раз. Катержина не стала будить гостей и только терпеливо дожидалась их на кухне.

Из воспоминаний полковника СВР В. Свибловой:

Поездом из Москвы мы доехали до Праги. Там нас поселили на квартиру к пожилой еврейке. Мы были поражены идеальной чистотой и порядком в ее доме, столь нетипичными для советских домохозяйств, но особенно нас покорила завтрак, который она нам готовила. Когда мы просыпались, стол был уже накрыт. Вареные яйца в специальных подставках были покрыты теплыми чехлами, чтобы не остывали. На тарелках лежали свежий хлеб и нарезки различной колбасы и сыра, в красивом кофейнике – ароматный кофе. После завтрака мы в сопровождении работника посольства отправились в один из центральных универмагов, где провели несколько часов. Приобрести нужно было основной гардероб, и это означало все: от нижнего белья, носков и расчесок до обуви, рубашек, брюк и платьев. Некоторые из купленных тогда вещей мы носили в течение следующего десятилетия. Ведь они были отличного качества.

Торговый центр «Котва» поразил молодых людей изобилием товаров и богатством выбора. Там можно было купить все: от запонок и булавок до крупной бытовой техники. Если первое еще могло заинтересовать Веру и Антона, то второе было явно рано приобретать – своего дома пока не предвиделось. Товары были в основном чехословацкого производства или стран социалистического лагеря, но были и импортные вещи, которые выделялись дороговизной, что очень смущало Свиблову и Вязина. Они подходили к таким вещам, примеряли их, но покупать не решались, посматривая на представителя посольства. А тому иногда буквально приходилось заставлять Веру и Антона купить подходящую вещь, невзирая на цену.

Постепенно дело пошло на лад, но молодые люди продолжали испытывать внутренний дискомфорт на протяжении всего похода за покупками. Они не ожидали, что приобретение вещей может отнять столько сил, однако даром времени они не теряли, незаметно наблюдая, как совершают покупки местные жители или туристы из-за рубежа, и стараясь перенимать их привычки.

Часа через два молодые люди полностью освоились и были готовы перейти на французский язык, но не делали этого только потому, что считали, что их одежда выдавала в них советских парня и девушку.

Зато на следующий день в обновках они гуляли по городу и ощущали себя иностранцами, изредка перебрасываясь фразами на французском языке, чувствуя себя настоящими парижанами, тем более что столица Франции уже была ими изучена досконально, как если бы они действительно жили там.

Сидя в кафе или в парке на скамейке, молодые люди продолжали наблюдать за туристами из западноевропейских стран, отмечая их раскованность и общительность. Те могли спокойно прилечь на газон и съесть мороженое или даже подремать. На это молодые люди пока не смогли решиться.

Многочасовая прогулка по узким улочкам, старинным мостам, многочисленным паркам и кондитерским Праги завершилась на Староместной площади возле средневековых башенных часов среди толпы туристов, ожидавших, когда часы должны были пробить начало очередного часа. Наконец Смерть в виде скелета зазвонила в колокольчик, напоминая людям о неотвратимом исходе жизни и о вечности, в двух окошках одна за другой стали появляться фигуры апостолов, пропел позолоченный петух, и бой курантов известил о начале нового часа.

Вера и Антон покинули площадь и пошли домой, где их, как оказалось, ожидал праздничный стол, накрытый на прощание Катержиной. Ужин был приготовлен скромный, но, пожалуй, еще более изысканно сервированный, чем завтрак. Белоснежные салфетки, суп в фарфоровой супнице, вторые блюда, накрытые стеклянными крышками, сверкающие столовые приборы, хрустальные фужеры и бутылка красного вина.

Ужин подходил уже к концу, когда Вера спросила хозяйку, повернув голову в сторону старых фото на стене комнаты:

– Катержина, это ваши родственники?

Девушка испытывала неловкость от того, что ей приходилось называть пожилую женщину только по имени. Через много лет Вера, вернувшись на Родину, будет чувствовать подобный дискомфорт, обращаясь к соотечественникам по имени и отчеству.

– Да, – ответила хозяйка и тяжело вздохнула: – Только их никого нет в живых.

– А мальчик? – спросила Вера и осеклась.

Вместо ответа Катержина встала и ушла в соседнюю комнату. Вернувшись через минуту, она сдвинула в сторону посуду и положила на стол потрепанный фотоальбом.

– Двигайтесь поближе. Я сейчас вам все покажу... – тихо промолвила женщина и перевернула первую страницу: – Это мой муж Януш. Видите, он в военной форме. Когда пришли немцы, он остался здесь, в Сопротивлении. Чтобы не рисковать нашими жизнями – нашему сыночку Лукашу тогда исполнилось четыре годика, – стал отдельно от нас снимать квартиру и появлялся здесь лишь иногда. Януш чех, а я еврейка. А потом убили Гейдриха. Муж тоже в этом участвовал. Сначала все шло нормально, но их выдали. Предатель – Карел Чурда. Вот он на фото сидит, рядом с моим мужем, – женщина указала на худощавого мужчину в военной форме. – Что им двигало, я не знаю. До этого он воевал с фашистами во Франции. В покушении не участвовал. Написал донос, но его патриоты-жандармы спрятали, тогда он лично пришел в гестапо...

Женщина умолкла, в глазах ее стояли слезы. В комнате повисла гнетущая тишина. Наконец Катержина, взяв себя в руки, продолжила:

– Мой муж был убит в бою в церкви, где они прятались. А потом... потом фашисты пришли сюда. Схватили меня. Лукаш сильно испугался и спрятался под кровать, он громко кричал, а немец... немец был ленивый. Он не стал его доставать, он его застрелил... Последнее, что я помню, это струйка крови из-под кровати...

Вера замерла. Чтобы не заплакать, опустила голову и не замечала, что слезы уже каплют из ее глаз. Катержина ровным голосом продолжала свой рассказ:

– Потом был концлагерь Терезин, а потом Аушвиц. Я не знаю, почему они меня не убили. Я хотела умереть, но моя вера не позволяет самоубийства, и я каждый день ждала, когда назовут мое имя, чтобы отправить в газовую камеру.

Концентрационный лагерь Аушвиц, который располагался в Польше, называют фабрикой смерти. В нем были умерщвлены около одного миллиона четырехсот тысяч человек, из которых более миллиона составляли евреи. Порой крематории не справлялись с уничтожением трупов. Мирных жителей еврейской национальности, доставленных из европейских стран, было так много, что обреченным приходилось ждать своей очереди, чтобы быть уничтоженными в газовых камерах, в лесной роще на территории лагеря.

Потрясенные молодые люди молчали, а Катержина еще не закончила свой рассказ:

– Потом пришли советские солдаты и освободили нас, но еще несколько месяцев мы продолжали жить в тех же бараках. Людей некуда было выпускать и расселять. У многих от голода произошли необратимые изменения, и они умирали еще и еще... но теперь они умирали свободными. Я завидовала им.

Русские девушки ухаживали за нами, кормили с ложечки, мыли в тех же душевых, что недавно были газовыми камерами. Там все осталось так же, только газ уже не подавался по вентиляционным трубам. Только я не боялась... Вы кушайте, кушайте, – вдруг сказала Катержина, хотя все понимали, что ни о каком ужине теперь и речи не могло быть. Вера поднялась с места и попыталась собрать грязную посуду, чтобы помочь хозяйке, но та остановила ее:

– Присядь, подожди минуточку, – сказала она и вышла.

Через минуту хозяйка вернулась. В руках у нее была бордовая коробочка. Женщина открыла ее, достала маленькое золотое колечко с синим камешком, похожим на сапфир, протянула Антону и промолвила:

– Надень Вере прямо сейчас. Это колечко подарил мне муж перед уходом в подполье. Мама каким-то чудом сохранила его. Я старая еврейская женщина, мне скоро умирать, а родных у меня нет. Пусть это будет вам на счастье.

Молодые люди поняли, что отказаться невозможно, и Антон надел Вере это колечко как обручальное на безымянный палец. Катержина заулыбалась и сказала:

– Ну вот, главная моя проблема решена, я не знала кому его подарить, а тут вы... Что еще хочу вам сказать, мои дорогие гости... Послушайте меня, старую жидовку, если у вас будут дети, берегите их, берегите. Иначе всю оставшуюся жизнь у вас будет только одно желание – поскорее умереть. Берегите своих детей, любой ценой, но только не ценой предательства... Приезжайте ко мне еще... Я буду вас ждать.

На следующий день рано утром Вера и Антон уехали и больше никогда ничего не слышали о старой еврейской женщине Катержине, но встреча с ней наложила незабываемый отпечаток на всю их последующую жизнь.

Глава 11

*Кого бы ты ни боялся, не бойся защитить себя.
Ганнибал, карфагенский полководец*

Таллин – Москва, СССР, 198... год

Узкие извилистые улочки сказочного Таллина значительно улучшили скверное настроение Веры. Несколько часов назад она прибыла на поезде в Эстонию с учебным заданием и теперь, гуляя по городу, раздумывала, где остановиться на ночлег. Ни в одной из гостиниц она еще не была, будучи уверенной, что мест там все равно нет.

Прогулка по Таллину была увлекательной, но вопрос ночлега оставался нерешенным, да и задача, которую должна была выполнить Свиблова, казалась нереальной. Этим и объяснялось раздраженное состояние Веры, которое вот уже двое суток не покидало ее с момента напряженного разговора в Москве с одним из кураторов.

В подготовке советских разведчиков-нелегалов уделялось внимание не только развитию интеллекта и аналитических способностей, но и воспитанию волевых качеств, несгибаемости и неподкупности. Действующие сотрудники были обязаны поддерживать хорошую физическую форму и владеть навыками самозащиты. Их будущая работа могла нести в себе столько непредсказуемых ситуаций и крутых поворотов, что самообладание и умение постоять за себя было просто необходимо. На протяжении всей подготовки Свиблова и Вязин осваивали контактный стиль «кекусинкай» – одну из самых жестких и трудных разновидностей карате. Как известно, этот вид спорта, кроме высокого уровня физической подготовки, воспитывает силу воли, умение преодолевать боль.

Из воспоминаний полковника СВР В. Свибловой:

В Москве мы занимались карате с индивидуальным инструктором. Это входило в список обязательных дисциплин. Благодаря занятию балетом в школьные годы у меня была хорошая координация, растяжка, и занятия мне давались легко. Моему супругу и напарнику по тренировкам несколько раз приходилось увертываться и даже страдать от моих ударов ногами. Помимо карате, стрельба также входила в программу. Меньшая доля внимания уделялась огневой подготовке, но короткоствольное стрелковое оружие изучалось достаточно подробно. Регулярная отработка нормативов в сборке и разборке, стрельбы в тире позволяли уверенно овладеть различными видами пистолетов, в первую очередь иностранного производства. Никто, конечно, не убеждал нас, что придется воспользоваться навыками стрельбы в будущей работе, но полученные знания, несомненно, способствовали формированию уверенности в себе, так необходимой в нашей работе.

С особой тщательностью будущие разведчики изучали шифровальное дело и радиоподготовку. Но все же на первом месте было умение работать с людьми, разбираться в психологии, устанавливать контакт и развивать отношения. Более рискованные и грозящие провалом вербовочные беседы разведчикам-нелегалам поручали редко, но изучать это дело тоже приходилось.

Отношения с Артуром Генриховичем Карловым, который обучал их методикам вербовочных бесед, у Свибловой и Вязина складывались нелегко. Вера и Антон понимали, что эти знания им, возможно, придется использовать в редких случаях, но все-таки относились к таким занятиям с полной ответственностью.

Долговязый и нескладный Артур Генрихович носил дорогие костюмы, часто их меняя, но какой бы из них он ни надевал, брюки всегда едва достигали щиколоток, поэтому мужчина выглядел немного нелепо, хотя считал себя элегантным и неотразимым. Ему недавно исполнилось сорок лет, но выглядел он значительно моложе своих лет.

Карлов пытался показать, что отлично разбирается в предмете, был строг и требователен, но у Веры создавалось впечатление, что в боевых практических условиях он не работал ни одного часа и вряд ли имел хотя бы одного лично завербованного агента, что, впрочем, не мешало ему постоянно критиковать Свиблову и Вязина, обвиняя их в неумении работать с людьми.

Артур Генрихович никогда не соглашался сам участвовать в ролевых играх по отработке беседы с людьми. Наблюдая, как Вера и Антон вдвоем разыгрывают варианты разговора, меняясь ролями, Карлов часто и бесцеремонно прерывал молодых людей и тут же указывал на ошибки. Это очень раздражало Свиблову.

За два дня до отъезда Веры в Эстонию Карлов пришел на занятия в приподнятом настроении и был очень словоохотлив, что для него являлось нетипичным. Он уселся в кресло и закинул ногу на ногу. И без того короткие брючки нового костюма задрались еще больше, обнажив голень, покрытую пушком темных волос. Вера покосилась на него и повернулась к Антону, который сидел рядом на диване. Карлов сделал вид, что не заметил ее взгляда, но все-таки встал и принялся расхаживать по комнате. Молодые люди наблюдали за ним, ожидая, когда же он наконец начнет говорить.

Однако, вместо того, чтобы приступить к занятиям, Артур Генрихович вдруг спросил, обращаясь к Свибловой:

- Вера, ты была когда-нибудь в Прибалтике?
- Нет, – ответила она, не понимая, к чему клонит преподаватель.
- Тогда тебе повезло! – воскликнул Артур Генрихович.
- Почему? – удивился Антон.

Вера также пребывала в недоумении.

– Потому что через два дня ты отправишься в Таллин с целью разработки и вербовки одного из руководителей городского исполкома. Необходимо предложить ему тесное сотрудничество с региональными органами КГБ. Дальнейшую его работу мы организуем через местных коллег. Время тебе на это отводится две недели.

– Сколько? – спросила Свиблова и, не дожидаясь ответа, воскликнула: – Это же мало!

– Ничего, справишься. Вот фотография объекта вербовки. Зовут его Эдгар Николаевич Руус. Он недавно был назначен на должность начальника протокольного отдела горисполкома Таллина. Билет для тебя уже куплен, документы тоже готовы, – сказал Карлов тоном, не терпящим возражений. В комнате воцарилась тишина. Вера смотрела на Антона и видела, что он нервничает, да и сама она была вне себя от негодования. Артур Генрихович, почувствовав настроение своих подопечных, уже миролюбивее произнес:

– Как бы то ни было, я уверен, что ты справишься с заданием. У тебя есть время подумать, что еще может понадобиться для работы.

– Я уже подумала, – тут же ответила Свиблова.

– Так быстро?

– Да. Мне необходим билет Союза журналистов или удостоверение корреспондента газеты «Комсомольская правда», хотя лучше – штатного сотрудника.

– А вот это мы вряд ли успеем сделать. Представься внештатным корреспондентом, а удостоверение он вряд ли спросит, – парировал Карлов.

Сразу же после укороченного занятия с Карловым молодые люди получили возможность дома подробно обсудить предстоящую командировку Веры. Свиблова и Вязин пришли к неуте-

шителю выводу, что задача поставлена действительно нереальная, но это не значило, что надо было отказаться от попытки ее выполнения.

Старый Таллин оказался даже более красивым и завораживающим, чем об этом можно было судить по открыткам и картинкам в журналах. Побродив еще полчаса по улицам города, Вера направилась в горком комсомола, который располагался в современном здании вместе с исполнительной властью города и областным комитетом Коммунистической партии Эстонии.

Не имея удостоверения корреспондента газеты, Вере пришлось проявить настойчивость при разговоре с вахтершей, чтобы уже через несколько минут очутиться перед дверями руководителя общего отдела комсомольской организации. Вера постучала и, не дожидаясь ответа, тут же вошла. За столом сидела молодая женщина примерно тридцати лет.

– Здравствуйте. Меня зовут Вера. Я – внештатный корреспондент «Комсомолки», – представилась девушка. В паспорте, по которому она прибыла в Эстонию, имя было настоящее, а фамилия вымышленная. Женщина тут же поднялась с места, протянула руку для приветствия и произнесла:

– Вилме Лаас. Начальник общего отдела.

– У меня есть редакционное задание... – начала было говорить Свиблова, но женщина прервала ее и пригласила присесть. Вера расположилась за столом и продолжила: —...В нашей газете открывается новая рубрика, которая называется «Десять дней из жизни руководителя»... – Лаас заметно оживилась. – ...И есть идея написать о руководителе протокольного отдела горисполкома...

Женщина с разочарованием откинулась на спинку кресла. Такая реакция не укрылась от внимания Веры, и она тут же продолжила:

– ...Кроме того, мне хотелось бы взять интервью у молодой сотрудницы горкома комсомола. Вы согласитесь со мной побеседовать, допустим, завтра в это же время? Сегодня не получится, потому что я только с самолета, а мне еще надо в гостиницу устроиться... Кстати, как у вас с местами?

– На этот счет можете не беспокоиться. Я сейчас позвоню в «Таллин», вам выделят отдельный номер по нашей брони. Хорошая гостиница, вокзал неподалеку и ресторан есть, чтобы покушать. Можешь не беспокоиться, а поговорим мы завтра в это же время. Хорошо?

– Отлично! – подтвердила Вера и на всякий случай уточнила: – А как зовут руководителя протокольного отдела?

– Руус Эдгар Николаевич, – сказала Вилме и пробормотала: – Не завидую я тебе...

– Что? – переспросила Вера.

– Нет-нет. Ничего.

– Странное имя... Он кто по национальности? Эстонец? – поинтересовалась Свиблова и пояснила: – Нам нужен эстонец.

– Он обрусевший латышский эстонец.

– Надо же... – удивилась Вера и резюмировала: – Подойдет.

– Только сейчас его нет на месте, будет послезавтра.

– Я поняла. Очень кстати, завтра мы с вами спокойно побеседуем.

На этом разговор закончился, и Вера отправилась в гостиницу. Там она по протекции Вилме без затруднений заселилась в отдельный номер, поужинала в ресторане и спокойно отдохнула.

Утром следующего дня девушка гуляла по городу, пытаясь сообразить, каким образом ей вывести на нужный разговор еще незнакомого Эдгара Николаевича, но эти размышления плодов не принесли. После полудня, как она и договорилась, Вере пришлось провести время с Вилме, чтобы этим закрепить свою легенду. Попытки узнать что-то полезное об объекте ее разработки не увенчались успехом.

Через день, когда Вера попала на прием к будущему герою своего репортажа, Руус уже знал о ее приезде и намерениях. Эдгар Николаевич оказался общительным и простым в обращении полноватым мужчиной с остатками жиденьких светлых волос на голове. Во время беседы Руус старался быть внимательным и даже галантным по отношению к «корреспонденту» «Комсомольской правды». Он даже не удивился, что центральная молодежная газета вдруг решила написать о работе отнюдь не юного номенклатурного работника.

Внимательно выслушав девушку, Эдгар Николаевич весело произнес:

– Мне повезло! Провести несколько дней в обществе такой красивой девушки – просто сказка. Послезавтра я должен быть со своим руководством в одном рыболовецком совхозе. Там чудесные пляжи на море, а пока предлагаю поужинать в ресторане. Вы где остановились?

– В гостинице «Таллин».

– Чудесно! Там есть уютный ресторанчик с великолепной кухней. В восемь вечера устроит?

Вера подумала, что это немного поздновато, но выбора у нее не было, и она согласилась.

Ресторан был достаточно уютным, хотя роскошью не блистал. Когда Свиблова вошла в зал, Эдгар Николаевич уже сидел за дальним столиком и потягивал из бокала ликер «Старый Таллин». Учтивый администратор сопровождал девушку и галантно помог сесть напротив Рууса, который был одет в легкомысленный клетчатый пиджак и темные брюки. Эдгар Николаевич подал Вере меню, та мельком посмотрела и, выбрав салат и одно горячее блюдо, быстро вернула его обратно.

Судя по тому, что Руус по-свойски называл по именам и метрдотеля, и официанта, его здесь хорошо знали и он был частым посетителем. После непродолжительной и беспредметной беседы, как раз в тот самый момент, когда Вера была готова наконец перейти к тщательно подготовленным вопросам интервью, Эдгар покровительственно спросил:

– Как идут дела в «Комсомольской правде» в Москве? Трудности есть?

– Трудности есть, но они общего характера, – шутливо ответила Вера.

– Вот как?! – удивился Руус. – Какие же?

– Такие, как и у других газет. Главред требует, чтобы мы узнавали обо всех новостях и событиях раньше остальных газетчиков.

– Я могу чем-то помочь? – заинтересованно спросил собеседник.

– Может быть... – загадочно произнесла Вера, лихорадочно соображая, как удачно сложившийся разговор повернуть на пользу дела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.